

На правах рукописи

ЛИТВИНОВ Владимир Петрович

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ОРГАНИЗАЦИИ И РЕГУЛИРОВАНИИ
ПАЛОМНИЧЕСТВА МУСУЛЬМАН
СРЕДНЕЙ АЗИИ (1865-1917 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва - 2019

Работа выполнена на кафедре истории и историко-культурного наследия института истории и культуры Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

**Научный
консультант:**

ТРОПИН Николай Александрович
доктор исторических наук, профессор

**Официальные
оппоненты:**

АБАШИН Сергей Николаевич
доктор исторических наук,
Автономная некоммерческая образовательная организация
высшего образования «Европейский университет в Санкт-
Петербурге», профессор факультета антропологии

БРЕЖНЕВА Светлана Николаевна
доктор исторических наук, профессор,
Государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Ленинградский
государственный университет им. А.С. Пушкина»,
профессор кафедры истории России

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Валентинович
доктор исторических наук, доцент,
Государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
профессор кафедры отечественной истории

**Ведущая
организация:**

**Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Кыргызско-
Российский Славянский университет
им. Б.Н. Ельцина»**

Защита состоится «__» _____ 2019 г. в _____ на
заседании Диссертационного совета Д212.203.03 в Российском университете
дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, ауд. 415

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского
университета дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Автореферат разослан «__» _____ 2019 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Е.В. Кряжева-Карцева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования заключается в том, что паломничество как одно из древнейших явлений в истории человечества, отражающее многообразие развития мировой цивилизации, до сих пор не получило должной научной оценки, особенно в отношении его государственной организации и регулирования. Отсутствие последних было естественным на протяжении длительного периода, когда процесс развивался стихийно, шло формирование его традиций, обрядов, ритуалов и т.п. Осваивая окружающую ойкумену, люди выделяли в ней наиболее значимые для своей жизнедеятельности объекты, связывая их с природными явлениями, придавал им священный статус. В последующем они становились центрами паломничества, носившего диалектический характер, включая как общие закономерности, так и региональные особенности. Общим для народов мира явилось языческое многобожие и паломничество к сакральным объектам культов предков, гор, воды, растительности, животных и др. Региональная специфика заключалась в их локальной модификации с выделением наиболее существенных для местных жителей священных объектов.

Кроме того, процесс выступал как важное средство торгово-экономических связей, ретранслятор опыта, знаний, идей, технологий и т.п. Сохранение древних паломнических практик донесло до нашего времени множество полезных сведений о прошлом народов мира, которые нуждаются в комплексном исследовании. Тем более, что с возникновением государства паломничество неизбежно подпало под его воздействие, так как власть нуждалась в идеологическом (религиозном) обосновании своего существования. Уже в странах древнего мира появились законодательные акты, охранявшие статус государственных религиозных культов и официально признанных центров паломничества.

Данное положение продолжилось в государствах Европы и на Руси, где христианство было принято как государственная религия. Несмотря на принятие Крещения, в среде народов, населявших Россию, сохранились многие языческие пережитки, часть которых существует до сих пор. Государство и Русская Православная Церковь боролись с ними, пресекали паломничество к дохристианским «святым местам», но без особого успеха. В итоге РПЦ была вынуждена смириться с ними и под христианскими названиями признать элементами своей канонической обрядности. Все это также требует глубокого комплексного изучения, тем более, что с середины XVI в. начался процесс расширения Русского государства, включившего в свой состав территории мусульманских ханств Поволжья и Сибири, а также Казахстан и Кавказ. Приверженцы ислама в этих регионах, пренебрегая его категорическими запретами, сохраняли пристрастия к язычеству и паломничеству к традиционным «святым местам», что, в известной мере, сближало их религиозное сознание с конфессиональным мировоззрением российских христиан. Государство не препятствовало мусульманскому населению свободно посещать свои региональные «святые места» и совершать

хадж – паломничество в Мекку. Таким образом, со временем был накоплен определенный опыт отношения Российского государства к исламу и его важнейшим религиозным практикам. Он оказался полезным и был востребован царской властью после присоединения в последней трети XIX в. к Российской империи Средней Азии, которая стала единственным регионом в империи, где мусульманское население абсолютно преобладало, составляя до 95 % жителей.

Осмысление сложной этноконфессиональной ситуации в регионе и накопившегося опыта потребовало от правительства принятия комплекса мер, изучению которых посвящено данное диссертационное исследование. Его актуальность подчеркивается еще тем, что, через призму соотношения диалектических категорий *общего, единичного и особенного*, в нем всесторонне изучено состояние мусульманского паломничества в Средней Азии. В таком ракурсе проблема специальным образом в науке еще не изучалась. Более того, в диссертации показана роль государства в организации и регулировании общего паломнического процесса в стране и дана ему объективная оценка.

Обращение к данной теме объясняется также и тем, что в условиях современных отношений Российской Федерации со странами «Центральной Азии», необходимы объективные и правдивые исследования роли Российского государства в исторических судьбах коренного населения этого региона, разоблачающие псевдонаучные инсинуации тех, кто стремится исказить и фальсифицировать его давние и позитивные связи с народами Средней Азии.

Особую актуальность проблеме придает необходимость осмысления и использования богатейшего опыта отношения дореволюционного Российского государства к исламу и мусульманству в современной России.

Объектом исследования выступает многообразный процесс паломничества мусульман Средней Азии в 1865 – 1917 гг.

Предметом исследования является отношение Российского государства к организации и регулированию данного процесса в этом регионе.

Цель исследования – научная реставрация и осмысление накопленного Российским государством опыта по организации и регулированию паломничества мусульманских народов Средней Азии, вошедших в состав царской империи.

Задачами исследования являются:

- выявить и проанализировать традиции мирового паломничества как феномена всемирно-исторического развития, его связь с государством, выявив общие закономерности процесса с тем, чтобы лучше понимать специфику региональных особенностей в проявлениях религиозного почитания и поклонения людей сакральным объектам;

- исследовать отношение государства к паломничеству мусульман Русского Туркестана к «языческим» и исламским «святым местам», его сущностное единство в религиозном сознании верующих, преемственность и взаимосвязь традиций почитания таких объектов;

- охарактеризовать место и роль хаджа – посещения мусульманами Средней Азии Хиджаза - Мекки и Медины в системе государственного регулирования паломничества, основные условия и направления его осуществления;

- проанализировать специфику паломничества мусульман-шиитов Русского Туркестана, его основные направления и сакральные центры, особенности государственного регулирования шиитского зиярата;

- установить степень дипломатического обеспечения российским правительством паломничества мусульман Средней Азии, охарактеризовав нормативно-правовые основания его проявления в практическом движении пилигримов в Мекку, к шиитским святыням в Персии и «Турецкой Аравии» - Ираке, а также к священным объектам регионального зиярата в Восточном (Китайском) Туркестане.

- определить основные направления деятельности Российского государства по сохранению здоровья мусульманских паломников, в том числе по ограничению хаджа и зиярата в период эпидемических заболеваний в Средней Азии, сопредельных странах и, особенно, в Хиджазе - Мекке и Медине;

- выявить и исследовать нормы санитарно-гигиенического и медико-эпидемиологического контроля над паломничеством, установленные государственными законами и международными правовыми актами;

- исследовать особенности места и роли процесса паломничества в повседневной жизни коренного населения Средней Азии.

Методологические основы исследования составили различные концепции исторического познания. Автор подчеркивает исключительную важность правильного выбора методологической основы исследования, являющейся идейно-концептуальным «скелетом» диссертационной работы. По его мнению, состояние методологии отечественной истории является непростым. Ему присуща, по выражению академика А.О. Чубарьяна, «аллергия к методологии истории», порожденная крахом коммунистической идеологии и отказом некоторых историков от ее былых методологических установок. Диссертант не находит указанное состояние трагическим и доказывает, что очищение методологии российской исторической науки от идеологических стереотипов советского периода позволит ей более эффективно использовать действительные достижения методологии, а также находить новые способы для повышения качества и результативности исторических исследований. Данное исследование с методологической точки зрения имеет три уровня: всеобщий, общенаучный и частнонаучный. В этой связи автор подчеркивает, что историческая наука имеет свой специфический метод познания, являющийся способом решения научной проблемы и достижения ее целей – получения нового исторического знания. Он характеризует элементы структуры методологии исторического познания, которому должны быть присущи рациональность, стремление к истине, проблемность, целеполагание, рефлексивность, предметность, эмпиризм,

теоретизм, методологизм, новизна, контекстуальность и т.д. В диссертации показаны этапы проведенного исследования.

В частности, отмечается, что в нем применялись принципы историзма, научной объективности, целостности, детерминизма и др., всеобщие, общенаучные и частнонаучные методы, а также различные подходы.

Например, системный подход позволил рассмотреть политику государства в организации и регулировании паломничества как некую единую цельную систему, развивающуюся в контексте эпохи, под влиянием определенных внутренних и внешних факторов. Диссертант особо подчеркивает значение принципа историзма, как общеметодологического способа познания, который изучает все явления в тесной связи с реальностью, выявляет этапы развития, а также общие и специфические закономерности социального процесса. Поэтому в качестве *всеобщего* в диссертационном исследовании выступает *диалектический метод* как способ научного познания, основанный на универсальных законах и категориях диалектики, признающий закономерное развитие мировых процессов, явлений, событий и т.д.

В этой связи среди общенаучных (основных) методов исторического исследования автор применял историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и др. Среди частнонаучных выделяются методы специальных исторических дисциплин – этнологии, археологии, архивоведения, исторической географии, исторической антропологии и др. Отмечая остроту дискуссии между сторонниками формационного и цивилизационного подходов к историческому познанию, диссертант не считает их антагонистически противоречивыми. По его мнению, они могут одинаково относиться к исследованию, в зависимости от изучаемой сферы общественного развития – социально-экономической или духовно-культурной, но с обязательным диалектическим их осмыслением. Автор признает продуктивным использование метода «исторической повседневности» и отмечает важность макроисторического подхода к теме диссертационной работы. Он считает, что в результате рационального применения грамотных методологических установок она получила прочный научно-теоретический фундамент.

Хронологические рамки диссертационной работы охватывают период последней трети XIX – начала XX в. Нижней временной границей исследования установлен февраль 1865 г., когда «именным» царским указом была образована Туркестанская область. Верхней границей является февраль 1917 г., когда в России произошла революция, приведшая к падению царизма. Таким образом, рассматривается только период царской власти в Средней Азии.

Территориальные рамки исследования заслуживают особого внимания, так как в административном отношении российские владения в Средней Азии до конца XIX в. не представляли собой единого целого. Образованная в 1865 г. Туркестанская область входила в состав Оренбургского генерал-губернаторства и включала в свои пределы

территории Средней Азии от Аральского моря до озера Иссык-Куль. Учитывая стратегическую важность региона, в июле 1867 г. было учреждено самостоятельное Туркестанское генерал-губернаторство (край) с центром в Ташкенте в составе двух областей – Семиреченской и Сырдарьинской. После распада Кокандского ханства в 1876 г. на его территории была образована Ферганская область, вошедшая в состав Туркестанского края. В 1881 г. на территории Средней Азии была создана Закаспийская область, подчиненная властям Русского Кавказа, а с февраля 1890 г. – военному министерству. В 1882 г. Семиреченская область была передана в состав Степного генерал-губернаторства с центром в Омске, оставаясь частью Средней Азии.

Однако, в науке, публицистике и даже в официальных документах применялся единый термин – «Русский Туркестан». Он приобрел полноценный смысл после того, как 26 декабря 1897 г. «именным» царским указом Закаспийская и Семиреченская область были переданы в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края) и одноименного военного округа. Несмотря на то, что формально Бухарское и Хивинское ханства не относились к Русскому Туркестану, тем не менее, диссертант в исследовании приобщает к нему и эти царские протектораты, которые были связаны с ним множеством уз – экономических, политических, военных, культурных и др. Таким образом, понятия «Средняя Азия» и «Русский Туркестан» можно считать, в известной мере, синонимичными. Что касается современного названия «Центральной Азией» рассматриваемых в диссертации территорий, то в тексте работы автор закавычивает термин с тем, чтобы не путать его с действительно научно-географическим определением Центральной Азии как пространства от западных границ китайского Синьцзяна до восточных границ Монголии. В географический ареал исследования включены также некоторые территории Афганистана, Ирана, Ирака, Турции и Западного Китая - Синьцзяна.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем:

- впервые осуществлено комплексное, всестороннее и детальное изучение паломничества мусульман Средней Азии в рассматриваемый период;
- выявлена и рассмотрена роль Российского государства в организации паломничества, установлена степень ее эффективности;
- охарактеризована природа и многообразие неканонического паломничества мусульман к «святым местам» в Средней Азии, его роль в материальной и духовной жизни коренного населения;
- установлено, что Российское государство относилось к этому типу мусульманского паломничества в Туркестане предельно толерантно, несмотря на то, что некоторые «святые места» региона иногда становились центрами враждебной для его властей пропаганды и агитации. Оно ограничивало его только в случаях распространения эпидемий;
- выявлена специфика государственного регулирования хаджа – паломничества мусульман Русского Туркестана в Мекку, имевшего как религиозные, так и политические особенности;

- определена сущность такого регулирования паломничества мусульман-шиитов Средней Азии к зарубежным «святым местам» ислама;
- изучены формы и методы работы дипломатических представительств России в Турции, Персии и Китае по обеспечению прав мусульманских пилигримов из Русского Туркестана;
- дана конкретная характеристика практической деятельности российских посольств и консульств среди паломников из Средней Азии;
- исследованы принципы медицинского-правового регулирования паломничества в царской России, рассмотрен комплекс санитарных и гигиенических мероприятий государства по организации противоэпидемического надзора;
- использован междисциплинарный подход, позволивший осветить такое сложное и многогранное историческое явление как паломничество;
- введен в научный оборот ряд неопубликованных источников, в том числе хранящихся в архивах среднеазиатских государств и т.д.

Степень научной разработанности темы диссертации подробно анализируется в первой главе работы. Обзор имеющейся по теме историографии позволяет утверждать, что вплоть до сегодняшнего дня исторический опыт Российского государства в организации и регулировании паломничества мусульман дореволюционной Средней Азии не становился предметом специального, комплексного изучения. Это во многом предопределило выбор автором темы данного диссертационного исследования.

Анализ историографии темы показывает, что в дореволюционный период российские и зарубежные историки и публицисты писали о «святых местах» ислама в Средней Азии более как о любопытных достопримечательностях региона, не пытаясь вникнуть в сакральный смысл паломничества к ним. В это же время они весьма поверхностно писали о хадже мусульман Русского Туркестана в Мекку, часто игнорируя проблему паломничества шиитов региона. Роль государства в организации и регулировании всеобщего паломничества мусульман Средней Азии исследуемого периода не получила научного рассмотрения.

Советская историография проявила больший интерес к «святым местам» региона, но преимущественно в историческом, этнографическом, архитектурном и т.п. отношении. Мусульманское паломничество, в том числе хадж в Мекку, расценивалось как пережиток прошлого. Утверждалось, что царистская государственность в Русском Туркестане поддерживала паломничество мусульман в целях сохранения невежества коренного населения. Дипломатический и медико-эпидемический аспекты исследователями по-прежнему игнорировались.

В постсоветский период российская историография рассматривает паломничество мусульман дореволюционной Средней Азии без идеологических «штампов» советского периода, но роль государства в этом процессе ею не изучена ни в одном из названных выше аспектах. Что касается историографии молодых, суверенных государств «Центральной Азии» -

бывших частью Российской империи и СССР, то она часто преувеличивает значение паломничества к «святым местам» региона с тем, чтобы доказать глубину мусульманской идентичности «титულიных» этносов, хотя, как известно, канонический ислам запрещает такие места и поклонение им. Отношение государства к мусульманскому паломничеству в Русском Туркестане изображается исключительно негативно и, главным образом, сводится к властным запретам регионального зиярата и хаджа в Мекку. Таким образом, до настоящего времени в отечественной и зарубежной историографии не создана объективно достоверная и убедительная всесторонняя и целостная картина как паломничества мусульман дореволюционной Средней Азии, так и регулирующей роли государства в процессе. Следовательно, исследование темы диссертации призвано восполнить пробелы в историческом знании об историческом опыте Российского государства в организации и регулировании паломничества мусульман рассматриваемого региона в 1865-1917 годах.

Источниковая база работы подробно анализируется во втором параграфе первой главы диссертации. Следует особо подчеркнуть, что фактологический материал разнообразных источников явился большим вкладом в изучение темы исследования, позволил глубже вникнуть в ее содержание.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. Паломничество как всемирно-историческое явление уходит корнями в древнейшее прошлое человеческой цивилизации. Оно соответствовало патриархальному периоду, духовной основой которого были языческие верования, в том числе культ «святых мест» как объектов почитания и поклонения. С возникновением государства паломничество постепенно оказывается под его организационным и регулирующим воздействием.

2. Развитие общества привело к изменению религиозного сознания и появлению монотеистических религий, которые даже с помощью государства не смогли ликвидировать пережитки язычества, в том числе паломничество к автохтонным святыням, и были вынуждены включить их в состав своей обрядовой практики. Ислам, категорически отвергнувший паломничество к «святым местам», тоже был вынужден признать его в форме хаджа как обязательного посещения Мекки.

3. Несмотря на категорические запреты ортодоксальной веры Пророка, паломничество к «святым местам» функционировало в Средней Азии повсеместно, в связи с чем региональная модель мусульманской религии получила название «ислама гробниц». Местные мусульманские государства – Бухарское, Кокандское (до 1876 г.) и Хивинское ханства, вопреки каноническим установлениям ислама, не только не препятствовали паломничеству к сакральным объектам в регионе, но и всячески его поддерживали.

4. В отношении к региональному паломничеству мусульман Средней Азии Российское государство учитывало тот факт, что ортодоксальная вера Пророка не смогла преодолеть этот пережиток языческого прошлого,

препятствовавший росту воинствующего исламизма в регионе. Поэтому оно обеспечивало пилигримам свободу передвижения к «святым местам», несмотря на то, что они нередко становились очагами антиправительственной пропаганды и агитации. Паломничество к ним ограничивалось, в основном, только в случаях распространения эпидемических заболеваний.

5. Зарубежное паломничество мусульман Русского Туркестана включало в себя канонически обязательный хадж в Мекку и зиярат шиитов к святыням Персии и «Турецкой Аравии» - Ирака. Государство не препятствовало им, но изначально стремилось установить над ними свой контроль, так как пилигримы, возвращаясь домой, привносили нежелательные для него исламистские настроения, а также вирусы опасных эпидемических заболеваний. Паломники, отправлявшиеся к зарубежным «святым местам» были обязаны приобретать заграничные паспорта. Но условия их получения многих не удовлетворяли, и они совершали хадж и зиярат без документов. Государство боролось с самовольным паломничеством, однако в целом не преодолело его. Вместе с тем, со временем многие пилигримы, опасаясь властных санкций и надеясь на дипломатическую поддержку российских посольств и консульств за рубежом, признавали установления государственного регулирования паломническим процессом.

6. Зарубежное паломничество мусульман Русского Туркестана обеспечивалось государственной поддержкой российских дипломатических представительств в Турции, Персии и Китайском Туркестане. Им вменялось в обязанность опекать российских паломников-мусульман, а также пилигримов из среднеазиатских ханств – Бухарского и Хивинского. Посольства и консульства занимались регистрацией паломников-мусульман из Средней Азии, выдавали им паспорта, хранили их имущество и деньги, в случае смерти пилигримов возвращали оставшееся после них наследство на родину и т.д. При посягательстве местных властей на права туркестанских паломников российские представительства за рубежом последовательно, хотя и не без затруднений, обеспечивали защиту их интересов.

7. Важнейшим условием успешного осуществления паломничества мусульман Русского Туркестана была эпидемическая обстановка в регионе и за его пределами. В Средней Азии часто распространялись опасные заразные заболевания – холера, чума, тиф и др. Только после вхождения в состав Российской империи здесь впервые началась организованная борьба с эпидемиями, усилена санитарно-гигиеническая работа среди населения. Власти понимали, что паломники как наиболее мобильная часть населения представляли угрозу в качестве разносчиков опасных заболеваний, привносимых из зарубежных «святых мест». В случае появления эпидемических угроз любое паломничество государством прекращалось, но с согласия властей среднеазиатских ханств. Полностью ликвидировать эпидемические угрозы царское правительство не смогло, однако число их жертв снизилось немало, в том числе за счет принимаемых государством мер в области медицинского обеспечения паломников-мусульман.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем нашло выражение теоретическое осмысление паломничества мусульман Средней Азии. Оно рассматривалось через призму догм канонического ислама, Корана, Сунны, мусульманского права (шариата) и суждений авторитетных исламских богословов. Это может представиться полезным для тех, кто интересуется теоретическими вопросами мусульманской религии. Диссертационная работа вносит определенный вклад в историю Российского государства и права, дополняя полезными сведениями и выводами те ее разделы, которые посвящены как общим государственно-религиозным отношениям, так и их мусульманскому «сегменту». В теоретическом плане диссертация может быть использована учеными-историками в научно-исследовательской деятельности. Она может быть полезной для преподавателей высших и средних учебных заведений. Ею могут воспользоваться профессиональные культурологи, географы, краеведы и др. Не исключено, что диссертация вызовет интерес служителей культа, причем, не только мусульманских. Таким образом, есть основания полагать, что данное исследование найдет должное теоретическое применение в разных сферах науки и педагогической деятельности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что в условиях расширения интеграционных связей современной России со странами «Центральной Азии» возрастает роль действительного исторического знания об их прошлом, особенно дореволюционном. К сожалению, формирование нынешней политики РФ в отношении государств этого региона часто исходит преимущественно из опыта советского периода. Однако он не был безупречным, так как коммунистические власти в своей политике в Средней Азии отвергли наследие царизма, в том числе и многие его позитивные достижения, в частности, в отношении к исламу и мусульманскому паломничеству, что имело негативные последствия. Поэтому при строительстве и развитии новых отношений с государствами региона российские политики и дипломаты должны иметь достоверные знания и об их дореволюционном прошлом, что может гарантировать от повторения ошибок как царского, так и советского периодов.

Исследование может быть полезным так же и для деятелей Русской Православной Церкви, работающих в приходах Средней Азии, граничащих со «святыми местами» мусульман. Его могут использовать и представители других неисламских конфессий региона. Наконец, работа может вызвать интерес у представителей туристических фирм, организующих поездки в страны «Центральной Азии», так как многие мусульманские «святые места» региона являются уникальными историческими памятниками общемирового наследия, что привлекает к ним множество путешественников.

Достоверность результатов исследования и обоснованность его выводов обеспечиваются комплексом привлеченных к изучению материалов – методологических, историографических, источниковых и др., имеющих как прямое, так и косвенное отношение к избранной теме, использованием результативных методов, подходов и приемов, публикацией основных

положений диссертации в научных изданиях, рецензируемых ВАК РФ. Достоверность ее результатов не противоречит научным исследованиям, проведенных другими авторами по истории Средней Азии.

Апробация основных положений исследования состоялась на международных и всероссийских конференциях. По теме диссертации опубликовано 3 монографии объемом в 72,2 печ. л., а также 49 статей объемом в 25 печ. л., в том числе 21 в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, из них 2 в изданиях, индексируемых в международных базах цитирования Scopus и Web of Science.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры истории и историко-культурного наследия института истории и культуры Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, была одобрена и рекомендована к защите.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих 11 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

Во **Введении** характеризуется актуальность избранной темы исследования, выявляется степень ее научной разработанности, объект и предмет, цель и задачи, определяются методологические основы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, апробация результатов исследования.

Глава I. «Историография, источники и методологические основы изучения паломничества мусульман Средней Азии» включает три параграфа. В *первом параграфе* - «Историографический анализ проблемы» автор доказывает, что историография избранной темы исследования обширна, но носит дисперсный характер. Специальные исследования об отношении государства к паломничеству мусульман в дореволюционной Средней Азии отсутствуют. Между тем, о паломничестве как явлении в мировой истории, его традициях и региональном разнообразии писали многие исследователи¹. Фактически все они констатировали древнейшее происхождение культа

¹ *Августин (архимандрит)*. Ятра в Катру, или Православный паломник у индуистских святынь // Наука и религия. Апрель 2003. № 4; *Жуковская Н.* Япония: Традиции и вера // Наука и религия. 1985. № 5; *Ки Равикун.* Кхмеры в IX-XIII вв. (проблемы историко-культурного развития). // Общество, история и культура. М., 1998; *Кнабе Г.С.* Древний Рим: история и повседневность. М., 1986; *Коростовцев М.А.* Религия Древнего Египта. М., 1976; *Мировое языческое паломничество в древности* // Наука и религия. 1996. № 6; *Мифология древнего мира.* Пер. с англ. М., 1977; *Павлова О.И.* Амон Фиванский. Ранняя история культа (V-XVII династии). М., 1984; *Руднев В.А.* По историческим и культовым местам Индии. М., 1980; *Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. М., 1978; *Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее.* - Урумчи, 2006; *Спенсер Герберт.* Принципы социологии. Глава XX. Поклонение предкам вообще. // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 2. М., 1998; *Суворова А.* Индийская гробница // Наука и религия. 2000. № 8. *Август; Сухов А.Д.* Религия в истории общества. М., 1979; *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М., 1976; *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии. Пер.с англ. М., 2006; *Фрэзер Дж. Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985; *Шифман И.Ш.* Ветхий Завет и его мир. Ветхий Завет как памятник литературы и общественной мысли древней Передней Азии. М., 1987; *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. В 3-х тт. М., 2002 и др.

«святых мест», к которым оно было обращено. Паломничество в древнем мире повсеместно было языческим. Пришедший на смену язычеству монотеизм не смог преодолеть пережитки языческого паломничества и вынужден был смириться с ними. Это было характерно и для православной Руси². Так как в диссертационной работе исследуется паломнический процесс в исламе, то к исследованию была привлечена обширная литература по этой религии³. Большинство исламоведов сходятся во мнении о том, что, несмотря на запреты Пророка, мусульманские пилигримы из века в век продолжали посещать свои традиционные «святые места». Естественно, что особый интерес исследователя вызвали работы по истории ислама в Туркестане⁴.

Значительное внимание проблемам мусульманского паломничества в Туркестане уделял академик В.В. Бартольд⁵. Язычество и адекватное ему паломничество были особенно распространены среди кочевников Средней Азии. Это обстоятельство тоже нашло рефлексию в работах дореволюционных исследователей⁶. Изучала его и советская наука⁷. Среди соответствующих исследований постсоветского периода необходимо выделить, например, серьезное исследование В.Н. Басилова и Дж.Х.

² Гордиенко Н.С. Православные святые: кто они? Л., 1979; Зоц В. Несостоятельные претензии. (Критические очерки православно-богословской интерпретации проблем духовной культуры). М., 1976; Ключевский В.О. Курс русской истории. // Сочинения в 8 томах. Т. 1. Ч.1. М., 1956.; Наука и религия. 1997. № 2.; Русские веды. Звездная книга Коляды. М., 1997 и др.

³ Айваллы Рамазан. Жизнь пророка Мухаммеда. Алматы, 2008; Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М., 1970; Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966; Большаков О.Г. История Халифата. Т.1. Ислам в Аравии. М., 2000; Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600-1258). М., 1986; Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. М., 1989; Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация. М., 2004; Ибрагимов Н.И. Культ святых в исламе по арабским источникам XII-XIV вв. (арабская народная сира и «Путешествие» Инб Баттуты // Ислам в истории народов Востока. М., 1976; Коротаев А.В. Возникновение ислама: политико-антропологический аспект // Сборник Русского Исторического Общества. М., 2003. № 7 (155); Коротаев А.В., Клименко В.В., Прусаков Д.Б. Возникновение ислама. Социально-экологический и политико-антропологический контекст. М., 2007; Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. М., 1996; Мюллер А. История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. Т.1-2. М., 2006; Позднеев П. Дервишизм в мусульманском мире. Оренбург, 1886; Родионов М.А. Ислам классический. СПб., 2001; Саидбаев Т.С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М., 1978 и др.; Сурдель Доминик Ислам. М., 2004 и др.

⁴ Жусупов Сабит. Ислам в Казахстане: прошлое, настоящее и будущее во взаимоотношениях государства и религии. // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. Под ред. А.В. Малашенко. М., 2001; Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865-1917) (по архивным материалам). Елец, 1998; Михайлов Ф. Религиозные воззрения туркмен Закаспийской области // Сборник материалов по мусульманству. Т. 2. Ташкент, 1900; Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913; Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886; Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960; Табышалиева А. Вера в Туркестане (очерк истории религий Средней Азии и Казахстана). Бишкек, 1993; Урманов Э.А. Ислам и кыргызы. Бишкек, 2001; Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии. М.-Бишкек, 2004; Шуриц Г. История человечества. Средняя Азия и Сибирь. СПб., 2004 и др.

⁵ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. 1. - М., 1963; История культурной жизни Туркестана. // Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963; Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях. // Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964; О погребении Тимура. // Соч., Т. 2, Ч. 2. М., 1964; Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. // Соч. Т. 4, М., 1964; Бартольд В.В. Ислам. // Соч. Т. 6, М., 1966; Культура мусульманства. // Соч. Т.6. М., 1966 и др.

⁶ Бичурин Н.Я. (Иоакимф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950; Вульфсон Э.С. Киргизы. М., 1901; Ельницкий К. Иногородцы Сибири и среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. СПб., 1895; Радлов В. Образы народной литературы северных тюркских племен. Ч. 5. СПб., 1885, XI; Скопин В.Н. Средняя Азия и Индия. М., 1904 и др.

⁷ Абрамзон С.М. Киргизы и их историко-культурные связи. Л., 1971; Народы Средней Азии и Казахстана (этнографические очерки). Т. 1-2. М., 1963; Толстов С.П. Религия народов Средней Азии. // Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.-Л., 1931 и др.

Кармышевой, а также научный труд узбекистанских религиоведов⁸. Безусловно, ученые не оставили без внимания паломничество к исламским «святым местам» в Туркестане⁹. Многие из них отмечали, что сакральные объекты некоторых мусульманских «святых» в регионе были связаны с доисламскими культурами¹⁰. Значительный объем полезных сведений о «святых местах» в регионе и паломничестве к ним мусульман был получен из работ путешественников как российских, так и зарубежных, которые писали о «святых местах» и о паломничестве к ним мусульман, например, А. Вамбери, Ф. Ефремов, Е.К. Мейендорф, С. Гедин и др.¹¹.

В целом необходимо отметить, что исследователи всегда проявляли повышенный интерес к хаджу мусульман в Мекку. Для выяснения отношения к нему канонического ислама диссертант ознакомился с теорией этого «столпа» религии Пророка¹². В этом плане важную роль сыграли работы известного современного российского богослова и факиха Ш. Аляутдинова¹³. Соответственно, интерес автора вызвала историческая литература о хадже

⁸ *Басилов В.Н., Кармышева Дж. Х.* Ислам у казахов. М., 1997; *Джаббаров И., Дресвянская Г.* Духи, святые, боги Средней Азии. Ташкент, 1993.

⁹ *Айдаров М.Н., Комаров П.А.* О Ходже Ахраре и его учениках. // Сборник материалов по статистике Сырдарьинской области. Т. VI. Ташкент, 1897.; *Каруц Р.* Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Пер. с нем. Е. Петри. СПб., 1910; *Ларина Е.И., Наумова О.Б.* Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов. // Этнографическое обозрение. 2008. № 1; *Пантусов Н.* Город Алмалык и Мазар Туглук-Тимур-хана. // Кауфмановский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го. М., 1910; его же: Мусульманские мазары в городе Уч-Турфане и окрестностях его (в китайских пределах). // Записки Русского Географического Общества (по отд. этн.). Т. XXXIV. (Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина). СПб., 1909; *Плетнев И.Е., Шваб Ю.З.* Архитектурный комплекс Ходжа Ахрара в Самарканде. // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977; *Щербина-Крамаренко Н.Н.* По мусульманским святыням Средней Азии. (Путевые заметки и впечатления). // Справочная книга Самаркандской области на 1896 год. Вып. IV. Самарканд, 1896. и др.

¹⁰ *Аманбаева Б.* Сакральные горы Кыргызстана // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004 года. СПб., 2005; *Мустафина Р.М.* Представления, культы, обряды у казахов. В контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX – XX вв. Алма-Ата, 1992; *Павличенко З.Ю.* Места традиционного паломничества в Кыргызстане: исламские и доисламские уровни мифов и ритуальная практика. // Вестник КРСУ. 2015. Т. 10; *Смагулова Н.А.* Памятники истории и культуры средневекового Казахстана. // Культура, традиции и самобытность. Сборник 3. Караганда, 2014. и др.

¹¹ *Вамбери Арминий.* Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865; *Гедин Свен.* В сердце Азии. Памир. – Тибет. – Восточный Туркестан. Путешествие Свена Гедина в 1893 – 1897 годах. Т.1-2. СПб., 1899; Записки о Кокандском хорунжего Н.И. Потанина (1829-1830). // *Потанин Н.И.* Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия. // Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. Т. XXXVIII. Омск, 1916; *Зеланд Н.* Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Путевые записки. Омск, 1888; *Лерх П.И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870; *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975; *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб., 1868; Путешествие Ибн Баттуты (арабский мир и Центральная Азия). Ташкент, 1996; *Филипп Ефремов.* Десятилетнее странствие. М., 1952 и др.

¹² *Аль-Байдани Фейсаль ибн Али.* Хадж Пророка. Изд. 3-е. Б.м., б.г.; *Алтунташ Х., Карагёз Н., Кескин М.* Руководство по совершению хаджа. Пер. с турец. М., 2010; Аль-Мансури. Мусульманские обряды и праздники. М., 1998; Аль-Хашими Мухаммад Али. Личность мусульманина. М., 1999; *Аль-Хаками Х.* 200 вопросов по вероучению ислама. Пер.с араб. М., 2006; *Бертон Д.* Мусульманское предание: введение в хадисоведение. Пер. с англ. М., 2006; *Карабийик Осман.* Религия ислам. Стамбул, 2004; *Рамазанов Карамухаммад-хаджи.* Хадж – пятый столп ислама. Махачкала, 2006; Собрание фетв. Том 1. Б.м., б.г. и др.

¹³ *Аляутдинов Шамиль.* Путь к вере и совершенству. М., 2003; *Аляутдинов Ш.* Тафсир. Смыслы Священного Корана. М., 2006; *Аляутдинов Ш.* Ислам. М., 2006; *Аляутдинов Шамиль.* Мусульманское право. 1-2. М. СПб., 2010 и др.

мусульман в дореволюционной России вообще и в Средней Азии, в частности¹⁴. Так как в диссертации рассматривается проблема дипломатического обеспечения зарубежного паломничества мусульман этого региона, то были изучены соответствующие труды, весьма немногочисленные¹⁵. Однако следует выделить статью ведущего российского востоковеда В.В. Наумкина о российской дипломатии в Хиджазе, посвященную именно проблемам регулирования хаджа¹⁶. Что касается медико-эпидемиологического аспекта паломничества мусульман, то он не нашел полноценного отражения в историографии¹⁷. То же самое можно сказать и о дореволюционных и советских сочинениях по истории Средней Азии, а также учебниках истории российских и зарубежных вузов стран СНГ¹⁸. Среди работ отечественных исследователей последних лет следует отметить коллективную монографию об истории взаимоотношений России и Средней Азии в исторической ретроспективе¹⁹. Однако в ней проблема отношения государства к паломничеству мусульман специально не рассматривалась. К

¹⁴ *Арапов Д.Ю.* Первый российский указ о паломничестве в Мекку // Россия в средние века и новое время. М., 1999; *Гусева Ю.Н.* Хадж мусульман Волго-Уральского региона в первой трети XX в.: к постановке проблемы. // Известия Уфимского научного центра РАН. 2013, № 2; *Казиев Ш.* Мой хадж // Наука и религия. 1998. № 7; *Мирошников М.* Религиозное и политическое значение хаджа. Казань, 1877; *Мухаметзянова-Дуггал Р.М., Хабибуллина З.Р.* Государственное регулирование хаджа в современной России. // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. Тюмень, 2010; *Никольский М.Э.* Паломничество мусульман в Мекку // Исторический вестник. 1911. Т. 32, апрель; май; *Хабибуллина З.Р.* Хадж мусульман Башкортостана: история и современные тенденции. // Известия Самарского научного центра РАН. Т.11, 2009. № 6; *Хабибуллина З.Р.* Государственное регулирование паломничества мусульман Российской империи. По материалам фондов Уфимского губернского правления и Оренбургского магометанского духовного собрания ЦИА РБ. // Рабифул ахыр. 2014. № 5; Хаджж - большое паломничество // Наука и религия. 1994. № 4; *Яровой-Раевский В.И.* Паломничество (хадж) мусульман в Мекку и Медину. // Сборник материалов по мусульманству. СПб., 1899. Ч. 1. и др.

¹⁵ *Бахрушин С.В., Сказкин С.Д.* Дипломатия в XVI в. // История дипломатии: [сб.] сост. А. Лактионов. М., 2006; *Игнатенко Александр.* Ислам и политика. М., 2004; *Сафронова Е.В.* Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII - начале XX в. СПб., 2003; *Тарле Е.В.* Дипломатия в годы Крымской войны и Парижский конгресс (1853-1856 гг.). // История дипломатии: [сб.] сост. А. Лактионов. М., 2006; *Череванский В.* Мир ислама в его пробуждении. СПб., 1901. Ч.1-2. и др.

¹⁶ Российская дипломатия в Хиджазе (конец XIX – начало XX в.) // *Наумкин В.В.* Ислам и мусульмане: культура и политика. (Статьи, очерки и доклады разных лет). К 190-летию Института востоковедения РАН. М., 2009.

¹⁷ *Артамонов Л.К.* Узун-Адинский гарнизон. Отчет начальника гарнизона и карантинной обсервации в порте Узун-Ада по мероприятиям для борьбы с холерной эпидемией в том же порте с 21-го мая 1892 по 1-е октября 1892 г. ГШ (Генерального штаба – В.Л.) подполковника Л. Артамонова. Асхабад, 1893; *Брежнева С.Н.* Толерантность по-русски: из истории проведения религиозной политики Российской империи в Туркестане //Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. № 8.; *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края (1865-1917). М., 1980; *Левин А.М.* Паломничество русских мусульман с санитарной точки зрения. СПб., 1898; *Мирский М.Б.* Очерки истории медицины в России XVI-XVIII вв. Владикавказ, 1995; *Стеценко С.Г., Сальников М.В.* Правовое регулирование оказания медицинской помощи в Российской империи (2-я четверть XVIII - 1917 г. // История государства и права. 2004. № 6; *Ханмагомедов Я.М.* Хадж: социально-экономические и медико-эпидемиологические аспекты. // Исламоведение. 2011. № 2.

¹⁸ *Абдакимов А.* История Казахстана. Алматы, 1994; *Васильев Л.С.* История религий Востока. М., 2000; История Древнего Востока. М., 1979; История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В 5 тт. Т.3. Алма-Ата, 1979; История Киргизской ССР в 5 тт. Т. 1-2. Фрунзе, 1984-1986; История стран Азии и Африки в средние века. Ч. 1. М., 1987; История Таджикской ССР. Душанбе, 1983; История Туркменской ССР. Т.1, книга 2. Ашхабад, 1957; История Узбекской ССР с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974; Осмонов О.Дж. История Кыргызстана. (С древнейших времен до наших дней). Учебник для высших учебных заведений. Бишкек, 2008; *Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д.* История кыргызов и Кыргызстана. Учебник для вузов. Бишкек, 2009 и др.

¹⁹ Россия - Средняя Азия. Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI в. В 2-х тт. Т. 1. М., 2013.

этому ряду относятся и работы профессора Н.Е. Бекмахановой²⁰. Как в дореволюционный, так и советский период большой интерес к истории Русского Туркестана проявляли зарубежные исследователи. Однако они также специально не изучали нашу проблему, хотя отмечали в своих трудах региональные «святые места», хадж в Мекку²¹.

В заключение параграфа автор отмечает, что данные историографии оказались полезными, но недостаточными для полноценного диссертационного исследования. Некоторые его аспекты не получили в ней достаточного освещения. Но, главное, не нашла должного научного анализа и оценки организационно-регулирующая роль Российского государства в паломничестве мусульман дореволюционной Средней Азии.

Во втором параграфе – «Источники исследования» автор характеризует неопубликованные (архивные) и опубликованные источники, использованные в диссертационном исследовании, которые разнообразны по видовой принадлежности и тематическому содержанию. Они представлены четырьмя видами: законодательные и делопроизводственные документы, мемуары и публицистика.

Проблема паломничества и отношения к нему государства нашла отражение в *религиозной публицистике*, то есть «священных писаниях» иудаизма, христианства и ислама²². Библия наполнена осуждениями языческого паломничества древних евреев к священным «высотам». Коран порицает языческое паломничество и признает лишь хадж в Мекку²³.

²⁰ Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII-XIX вв. М.-СПб., 2015

²¹ Bacon E.E. Central Asia under Russian Rule. A study of Cultural Change. N-Y, 1966; Central Asia. A century of Russian rule. Ed. by E. Allworth. N-Y- London, 1967; Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, 1899; Coskun Menderes. Ottoman attitudes towards writing about pilgrimage experience. // Milli Folklor, 2012, yıl 24, sayı 95. (<http://www.millifolklore.com>); Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and Anglo-Russian question. London, 1889; Colquhoun A. Russia against India. The struggle for Asia. London, 1900; D'Ancausse H. C. Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. London, 1988; Dobson George. Russia's railway advance into Central Asia. Notes of a journey from St. Peterburg to Samarcand. London, 1890; Dunmore. The Pamirs: being a narrative of year's expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. Vol. 2. London, 1893; Gordon T.E. The roof of the world. Being the narrative of a journey over the high plateau of Tibet to the Russian frontiers and the Oxus sources on Pamir. London, 1876; Gladstone W.E. Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan with her tracts. Leipzig, 1876; Hedin S. My life as an explorer. N-Y, 1925; Krausse A. Russia in Asia. A record and a study. 1558- 1899. - London, 1900; Krauder L. Peoples of Central Asia. Indiana Univ., 1963; Lansdell Henry D.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. Vol. 1-2. London, 1885, Lattimore Owen. Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia. Boston, 1950; Lee Chuen Nung. The political history of China. 1840-1928. Los Angeles, 1972; Meakin A. In Russian Turkestan. A garden of Asia and its people. London, 1903, p. 231; Olufsen O. Through the unknown Pamir. The Second Danish expedition. 1898-1899. London, 1904; Pierson R. A. Russian in Central Asia. A study in colonial rule. Los Angeles, 1960; Ronaldshaw E. On outskirts of Empire of Asia. - Edinburg and London, 1904; Schuyler Eugene. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol-2. - London, 1876; Skrine F.G., Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Esserton P.T. In the heart of Asia. - London, 1925; Sokol E.D. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954; Stavrou T. G., Weisensel P. Russian travellers to the Christian East from the twelfth to the twentieth century, Ohio, Columbus, 1986; Strong A.L. The Road to the Grey Pamir. Boston, 1931; Youngusband F. The Heart of continent. London, 1897; Wilkinson Tony. Landscapes of Pilgrimage: the Archaeological Context of the Hajj routes of Arabia. // Bulletin of the Society for Arabian Studies. 2008. № 13 и др.

²² Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Канонические. М., 1991; Коран. Ростов-на-Дону, 2001.

²³ Коран. Р-н-Д., 2001. Сура 2. Корова. Аят 191. С. 25; аят 196. С. 26; там же: Сура 22. Хадж, аяты 27, 34. С. 281; аят 67. С. 285; Сура 48. Победа. Аяты 25, 27. С. 442; Сура 53. Звезда. аяты 19-20. С. 455; там же: Сура 71. Нух. Аяты 22-23. С. 500 и др.

Источники свидетельствуют, что традиции организационно-регулирующей роли государства в паломничестве сложились еще в древности²⁴. Поэтому особое внимание было уделено историко-юридической стороне проблемы. *Законодательных актов* о паломничестве мусульман при царизме было издано немного²⁵. Их право на его осуществление было зафиксировано в «Основных законах» Российской империи²⁶. Оно детально уточнялось в «Уставе духовных дел иностранных исповеданий»²⁷. Поэтому в своем отношении к мусульманскому паломничеству в Средней Азии местная царская администрация придерживалась соответствующих государственных законов. Так как в диссертации рассматривается дипломатический аспект паломничества мусульман региона, то автор использовал *законодательные акты* царской власти о работе российских дипломатических представительств в Турции, Персии и Китае, на которые он ссылается в тексте работы.

В связи с тем, что одной из важных проблем, исследуемых в диссертационной работе, является санитарно-гигиенический и эпидемический аспект паломничества мусульман, то к исследованию были привлечены многие соответствующие *законодательные источники*, которые свидетельствуют о том, что во время эпидемических заболеваний в тех или иных регионах России не только паломничество, но и любое свободное передвижение людей, товаров, грузов и др. запрещалось под страхом сурового наказания. Ко времени присоединения Средней Азии к России был накоплен большой опыт борьбы государства с эпидемическими болезнями, нашедший отражение в значительном количестве нормативно-правовых актов, приводимых в диссертации. В ней также характеризуются международные нормативно-правовые акты, призванные упорядочить медицинские условия совершения хаджа мусульман региона в Мекку.

Однако использование юридических документов не наполнило диссертационную работу необходимым фактическим материалом. Он был почерпнут из источников различных архивохранилищ, где отложились *делопроизводственные документы*, имеющие отношение к исследуемой проблеме. В частности, из Российского государственного исторического

²⁴ Кодекс династии Тан. // Антология мировой правовой мысли. Т.1. - М., 1999. С. 529-530; Законы великой династии Мин. // Там же. С. 537;

²⁵ Именной, данный правящему должность генерал-губернатора Уфимского и Симбирского генерал-поручику Апухтину – О мерах для укрощения самовольства киргис-кайсаков. 2 мая 1784 года. // ПСЗРИ-I. Т. 22. СПб., 1830. № 15991. С. 142-144; Именной, данный Оренбургскому военному губернатору, генерал-майору Бахметеву – О пропуске бухарцев, находящихся в России, в Мекку на поклонение. 23 марта 1803 года // ПСЗРИ-I. Т.27. СПб. 1830. № 20681. С. 509; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О восприятии принимать дервишей в подданство России. 18 февраля 1836 года. // ПСЗРИ-II. Т.11. Отд.2. СПб. 1837. № 8881; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О порядке увольнения крымских татар за границу на богомолье. 30 декабря 1856 года. // ПСЗРИ-II. Т. 31. Отд.1. СПб. 1857. № 31332. С. 1100-1101; Высочайше ратификованная Конвенция об установлении профилактических мер для паломничества в Мекку с четырьмя приложениями. 12 января 1898 года. // ПСЗРИ-III, т.18, отд.1. СПб. 1901 № 14891. С.19-33; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об утверждении Временных Правил для паломников-мусульман. 8 июня 1903 года // ПСЗРИ-III, т.23. отд.1. СПб. 1905 № 23108. С.689-690 и др.

²⁶ Свод законов Российской империи. Т.1. Свод учреждений государственных и губернских. Ч.1. Основные законы и учреждения государственные. СПб. 1833. С. 17.

²⁷ Свод законов Российской империи. Издание 1857 года. Т.11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб. 1857.

архива (РГИА)²⁸, Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)²⁹, Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)³⁰, Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)³¹, Архива Государственного исторического музея (АГИМ)³². По мнению диссертанта, знакомство с материалами этих архивов было значимым, но на их основе можно было создать только лишь определенное представление о паломничестве мусульман Средней Азии в исследуемый период. Поэтому основой стали материалы центральных государственных архивов Узбекистана, Казахстана, Туркмении и Кыргызстана. Особенно полезными явились для нас документы Центрального государственного архива Узбекистана (ЦГА Узб.), так как в Ташкенте находились органы центрального управления Русским Туркестаном³³. Не менее интересными были материалы Центрального государственного архива Казахстана (ЦГА Каз.)³⁴, Центрального государственного архива Туркменистана (ЦГА Тур.)³⁵, Центрального государственного архива Кыргызстана (ЦГА Кыр.)³⁶.

Таким образом, материалы среднеазиатских архивов явились главным фундаментом диссертационного исследования. Что касается опубликованных источников и данных периодической печати, то они полностью приводятся автором в перечне использованных материалов в тексте работы.

Немаловажную роль в работе сыграли *мемуары*³⁷, как важные свидетельства непосредственных участников событий исследуемого периода. Они позволили объединить важные события, на первый взгляд, с

²⁸ РГИА. Ф.560. Оп. 28. Д. 182; Ф. 565. Оп. 1. Д. 3193; РГИА. Ф. 821. Оп.133. Д. 470-472; Ф. 1291. Оп. 82. Д. 2; Ф. 1149. Оп. 10. Д. 122; Ф. 1282. Оп. 32. Д. 189 и др.

²⁹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 565; Ф. 400. Оп. 1. Д. 321; Д.384; Д. 484; Д. 812; Д. 1113-1116; Д. 2239; Д. 2762; Д. 2904; Ф. 546. Оп.2. Д. 7; Д.74; Д. 918; Д. 1096; Д. 2598; Ф. 1402. Оп.2. Д. 4; Д. 14; Д. 43 и др.

³⁰ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 26; Д. 29; Д. 1204; Д. 1217; Д.1247; Д. 3204; Ф. 249. Оп. 616. Д. 559; Д. 752; Д. 808; Д. 1095; Ф. 206. Оп. 912. Д. 8; Д. 18; Д.186; Ф. МИД. Отд.В.С. Д.3260 и др.

³¹ ГАРФ. Ф.102. ДП.ОО. 1909. Д. 80. Ч. 84; Д. 231; Д. 283; ДП.ОО. 1910, Д. 3. Ч. 84. Литера Б; Д. 5. Ч. 115. Литера Б; ДП.ОО. 1911. Д. 74. Ч. 1-5; ДП.ОО. 1913. Д. 74. Ч. 84; ДП.ОО. 1915. Д.167. Ч. 84; Ф. 730. Оп.1. Д. 134; Ф. 1155. Оп.1. Д. 2259 и др.

³² См.: АГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д.42.

³³ ЦГА Узб. Ф.1. Оп.4. Д. 65; Д. 531; Оп. 11. Д. 1724; Д. 1725; Оп. 13. Д. 780; Оп.18. Д. 13; Оп. 20. Д. 8688; Д. 8933; Оп.22. Д. 43; Д. 598; Д. 1832 «а»; Оп.28. Д. 286; Оп.29. Д. 159; 297; Оп. 31.Д. 259; Д. 578 Оп.34. Д. 244.; Ф. 5. Оп.1. Д. 897; Ф. 17. Оп.1. Д. 153; Д. 664; Д. 17006; Д. 20003; Д. 21967; Ф.18. Оп.1, Д. 1326; Д. 4370; Д. 4565; Д. 4695; Д. 5298; Д. 5299; Д. 5362; Ф. 19. Оп.4. Д. 321; Д. 9421; Д. 10377; Д. 11066; Д. 11421; Д. 11598; Д. 13782; Д. 14258; Д. 15798; Д. 15932; Ф. 36. Оп.1. Д. 1347; Ф. 276. Оп. 1. Д. 38; Ф. 461. Оп. 1. Д. 1893; Ф. 717. Оп. 1. Д. 10; Д. 16; Ф. 907. Оп.1. Д. 210; Р-2287. Оп. 1. Д. 611 и др.

³⁴ ЦГА Каз.. Ф. 41. Оп. 1. Д. 96; Ф. 44. Оп.1 Д. 284; Д. 487; Д. 2237; Д. 2495; Д. 3939; Д. 4070; Д. 4328; Д. 4807; Д. 24670; Д. 30087; Д.31131 и др.

³⁵ ЦГА Тур. Ф. Оп. 2. Д. 274; Д. 2687; Д. 2693; Д. 2711; Д. 2731; Д. 2745; Д. 2762; Д. 2767; Д. 2768; Д. 2771; Д. 2773; Д. 2777; Д. 2778; Д. 2789; Д. 2793; Д. 2809; Д. 2815; Д. 2823; Д. 2833; 2838; Д. 2839; Ф. 97. Оп.1. Д. 199

³⁶ ЦГА Кыр. Ф. 75. Оп.1. Д. 46; Ф. 149. Оп. 1. Д. 11.

³⁷ *Айни Садриддин*. Бухара. Воспоминания. М. 1961.; *Бларамберг И.П.* Воспоминания. М., 1978; *Белью*. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873-1874 гг., 1877.; *Гедин Свен*. В сердце Азии. Памир. – Тибет. – Восточный Туркестан. Путешествие Свена Гедина в 1893 – 1897 годах. Т.1. СПб., 1899 и др.

незначительными деталями повседневной жизни, что сделало исследование более полным.

В заключение параграфа диссертант отмечает тот факт, что только благодаря использованию разнообразных источников содержание диссертационной работы приобрело действительно полноценный и объективный характер.

В *третьем параграфе* - «*Методологические основы научного анализа*» рассматривается методология, которая уже упоминалась в общей характеристике работы. Здесь получили глубокий анализ принципы историзма, научной объективности, социального познания, целостности, детерминизма, а также различные методы и подходы исторической науки. В этой связи диссертант отмечает специфику исторического познания, его качественную направленность, структуру и уровни, раскрывает этапы исследования. В качестве всеобщего в работе выступает диалектический метод как способ научного познания, основанный на универсальных законах и категориях диалектики. Автор поясняет, каким образом изучение паломничества мусульман в дореволюционной Средней Азии соответствовало им, рассматривает проблему соотношения «формационного» и «цивилизационного» методов в историческом познании и т.д. Кроме того, он рассматривает и использует общенаучные (основные) и частнонаучные методы исторического исследования.

В заключение параграфа автор отмечает, что знакомство с методологической литературой и применение ее обеспечило прочный теоретический фундамент диссертационного исследования.

Глава II. «Государство и региональное паломничество мусульман Средней Азии» состоит из двух параграфов. В *первом параграфе* – «*Региональное паломничество мусульман Средней Азии*» автор отмечает, что местное паломничество мусульман Средней Азии являлось широко распространенным и развитым процессом. Он противоречил установлениям канонического ислама, категорически отрицающего паломничество к «святым местам». Таким образом, паломничество мусульман Средней Азии было пережитком язычества, составлявшего основу религиозного сознания народов региона в доисламский период. Особенно развитым языческое паломничество сохранилось среди кочевников Средней Азии. Оно основывалось на почитании культа предков, «духов-покровителей», культов гор (камня), водных источников, растительности, животных и др. Однако и среди оседлых жителей региона, более «твердых» в религии Пророка, тоже были распространены пережитки паломничества к доисламским «святым местам». Таким образом, исламу не удалось преодолеть языческих предрассудков мусульман Средней Азии.

По мнению автора, сохранение рудиментов язычества среди мусульманских пилигримов Средней Азии не было историческим феноменом, так как сходные пережитки существовали в Европе и на Руси, где языческих божков под новыми именами включили в христианскую агиографию. Такой же процесс имел место в Туркестане. Здесь языческое капище объявлялось

местом погребения мусульманского «святого», но при этом вокруг него паломники совершали сугубо языческие ритуалы - установку рогов, повязывание лоскутков ткани или волосяного аркана, принесение к могиле пищи и т.д. Так был превращен в мусульманского «святого» легендарный языческий персонаж Коркут-ата (Хоркут). В целях мусульманизации ислам «похоронил» и таких «неверных» божков, как: Камбар-ата, Чопан-ата, Зенги-баба, Сексек-ата и др., устроил им «святые» могилы, к которым по-прежнему устремлялись паломники.

Таким образом, в туркестанском исламе происходил тот же процесс синкретизации религиозной веры, что и в других конфессиях. В результате, сформировался так называемый «народный ислам», представлявший собой органический синтез языческих культов и канонов мусульманской веры.

Далее диссертант отмечает, что в литературе «святые места» паломничества мусульман Средней Азии назывались, как правило, «мазарами» (араб.: место поклонения), хотя в народе их часто именовали «макбара», «гур», «сагана», «гумбез», «авлие (аулие)», «зиярет», «азиз джой», «астана» и др. В этой связи автор классифицирует мазары Средней Азии на надрегиональные, региональные, областные, районные и узколокальные - кишлачные и аильные. Среди «святых мест» региона были мифические погребения коранических персонажей - «пейгамбаров» (пророков) Мусы (Моисея), Сулеймана (Соломона), Исы (Иисуса), Айюба (Иова), Ноя (Нуха) и др. Наряду с языческими и исламизированными автохтонными «святыми местами» в Средней Азии существовали мазары чисто мусульманских «святых», например, «Сафид-Булан», в котором якобы был погребен потомок Пророка. Широкую известность имел мазар туркестанского суфия Юсуфа Хамадани, учеником которого был Ходжа Ахмед Яссави, паломничество к мавзолею которого было особенно многолюдным. В Средней Азии было немало и женских мазаров - Анбар-она, Биби-Сешанби, Биби-Мушкилкушо, Чильдухтарон («сорок девушек») и др. По мнению автора, местное паломничество мусульман Средней Азии отличалось не только религиозными мотивами, но и рекреационными, лечебными, торговыми, так как при «святых местах» часто функционировали ярмарки, например, при мавзолее Яссави в городе Туркестане.

Диссертант отмечает, что значительную роль в региональном паломничестве мусульман играло их убеждение в том, что посещение некоторых «святых мест» может заменить хадж в Мекку. Его всячески подогревало мусульманское духовенство, заинтересованное в посещении местных святынь, приносящем большие материальные выгоды. В Средней Азии считали, что трехкратное паломничество к «сильным» мазарам заменяло полностью хадж в Мекку. К ним относились: Сулейман-гора, Шах-и Мардан, мавзолей Яссави, гробница Накшбанда. Но на местах были и иные соображения. Так, например, кочевники – кыргызы и казахи считали, что даже одно паломничество к мавзолею Ходжа Ахмеда Яссави способно заменить хадж в Мекку, в связи с чем они называли город Туркестан «Малой Меккой».

В свою очередь туркмены считали, что хадж в Мекку могло заменить двукратное паломничество к гробнице «святого» Серасх-баба.

В заключение параграфа диссертант отмечает, что, несмотря на запреты канонического ислама, мусульмане Средней Азии совершали паломничество к своим традиционным, языческим и исламским «святым местам». При этом в их религиозном сознании синтез доисламских и мусульманских предпочтений не вызывал никаких противоречий. Кроме разных мотивов, паломников влекла к «святым местам» региона уверенность в том, что таким образом они могут заменить канонически обязательное совершение хаджа в Мекку.

Во *втором параграфе* – «*Особенности государственной организации и регулирования зиярата в Русском Туркестане*» автор отмечает, что царские власти не препятствовали паломничеству мусульман Средней Азии, ограничиваясь организацией надзора уездной администрации и участковых полицейских приставов за порядком у «святых мест», обеспечением необходимых условий для отправления у них мусульманскими паломниками установленных обрядов и процедур. Новые «святые места» как захоронения недавно умерших мусульманских праведников требовали официального утверждения лишь в тех случаях, когда при них учреждались вакуфы. В Закаспийской области открытие «святых мест» жестко контролировалось лишь во времена генерала А.Н. Куропаткина в 1890-1897 гг. Вместе с тем, иногда туркестанские руководители сами проявляли внимание к могилам новоявленных мусульманских «святых». Так, например, туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский лично посетил могилу знаменитого шейха Абул-Касим-хана, который во время «холерного бунта» 1892 г. в Ташкенте поддержал противоэпидемические меры русских властей, но, заразившись холерой, умер. Так как старец еще при жизни считался праведником, то его захоронение было объявлено «святым», которое посетил православный епископ Туркестанский и Ташкентский Григорий (Полетаев). Автор отмечает, что и другие туркестанские генерал-губернаторы и епископы во время своих поездок по краю тоже нередко посещали мусульманские «святые места».

В тоже время, как отмечает автор, паломничество к «святым местам» пресекалось властями только в период эпидемий и во время антиправительственных выступлений. В этой связи автор приводит примеры ареста зарубежных агентов, устраивавших антирусские акции у мазаров, подчеркивая при этом, что паломничество продолжало функционировать в свободном режиме. Уездное руководство и, особенно, участковые приставы лишь усилили контроль. Даже в конце XIX – начале XX в., когда паломничество к «святым местам» в Средней Азии стало приобретать все более исламистское содержание и некоторые представители власти винили в этом политику «игнорирования» ислама, проводимую со времен первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, требуя запретить паломничество мусульман, российское правительство не поддержало такие настроения.

Далее автор отмечает, что следствием подрывной деятельности Турции и Англии в Средней Азии явилось мусульманское восстание в Андижане в мае

1898 г. Его руководитель - ишан Мухаммед Али (Мадали) по кличке «Дукчи-ишан» вербовал сторонников преимущественно среди паломников у «святых мест». Примечательно, что в канун андижанского бунта на территории региона неожиданно появились новые «святые места» на давно заброшенных могилах малоизвестных людей, объявленных «шахидами» - «борцами за веру», погибшими от рук «неверных» - русских. Слухи распространяли проплаченные турецкими и английскими спецслужбами муллы, ишаны, матдахи и др. Они призывали мусульман совершать паломничество к могилам новоявленных «святых». Так, летом 1898 г. на мусульманском кладбище областного центра - г. Верного одна из заброшенных могил была объявлена «святой», «убрана цветами и обсажена деревьями». Верненский уездный начальник сообщал Семиреченскому губернатору о том, что у «святой» могилы появился некий «таранчинец»³⁸, который рассказывал всем, что в ней якобы был захоронен мужественный «гази - борец против неверных киргиз Раимбек»³⁹. Однако, кочевники не припомнили имени такого «героя» и не признали его могилу «святой».

Андижанские события вызвали тревогу в «верхах», и император Николай II потребовал от туркестанской администрации доклад о состоянии ислама в регионе. При сборе сведений для него ни один из областных руководителей не придавал особого значения вопросу о «святых местах» и паломничеству к ним мусульман. Доклад был представлен царю в 1899 г., после чего специальная комиссия начала составлять «Положение об управлении духовными делами мусульман Туркестанского края». Она признала целесообразным разрешить мусульманам свободно совершать «общественные богомоления при мазарах и других почитаемых ими святых местах»⁴⁰. Комиссия постановила вести учет мазаров, а также шейхов-хранителей при них. Предлагалось запретить открытие новых «святых мест». Осенью 1899 г. материалы комиссии были рассмотрены Советом туркестанского генерал-губернатора и отправлены военному министру А.Н. Куропаткину, которому подчинялся край. Однако эта просьба не нашла поддержки, так как А.Н. Куропаткин считал, что они будут способствовать массовому скоплению мусульман, которое может быть использовано «неблагонадежными» муллами, ишанами, дервишами и др., а также зарубежными панисламистскими эмиссарами для разжигания антирусских настроений среди населения.

В конце XIX в. важным элементом в отношении государства к паломничеству мусульман региона к «святым местам» стал учет их численности, а также количества шейхов-хранителей при них. По мнению диссертанта, он был несовершенен и грешил многими неточностями.

В заключение параграфа отмечается, что Российское государство не препятствовало региональному паломничеству мусульман Средней Азии. Представители высшей власти даже сами посещали «святые места»

³⁸ «Таранчами», «таранчинцами» в тогдашней Средней Азии называли уйгуров – В.Л.

³⁹ ЦГА Каз. Ф. 41. Оп. 1. Д. 96. Л. 27-28.

⁴⁰ Там же. Ф. 717. Оп. 1. Д. 16. Л. 409.

мусульман, несмотря на то, что они нередко становились центрами антирусской пропаганды. Во властных структурах страны были лишь разногласия по поводу общественных богомолений у «святых мест», разрешившиеся в пользу туркестанской администрации. Государство вело учет сакральных объектов мусульман региона и численности исламского духовенства при них, однако он был далек от совершенства.

Глава III. «Зарубежное паломничество мусульман Средней Азии в исследуемые годы» включает два параграфа. В *первом параграфе* – «Государственное регулирование хаджа мусульман Русского Туркестана в 1865-1917 гг.» автор подчеркивает организационно-регулирующую роль Российского государства в процессе хаджа – паломничества мусульман региона в Мекку. Он отмечает, что отношение государства к хаджу мусульман Русского Туркестана не было однозначным. Генерал М.Г. Черняев в 1865 г. выступил с «Воззванием» к местным мусульманам, в котором обязывал их исполнять требования шариата, в том числе хадж в Мекку. Его религиозный либерализм вызвал недовольство правительства и привел к увольнению с должности. Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман исповедовал политику «игнорирования» ислама, то есть отстранения мусульманского духовенства от государственной власти, в связи с чем в Средней Азии не было муфтиата. Он поставил совершение хаджа в Мекку под государственный контроль через введение системы заграничных паспортов для желающих отправиться на поклонение Каабе. Они делились на три категории, в зависимости от сроков выезда за рубеж. Паспортная система не была личным творчеством Кауфмана, а соответствовала нормам общеимперского «Устава о паспортах». Выездные документы подписывались лично генерал-губернатором.

Однако администрация выдвинула такие условия для получения заграничных паспортов, что мусульмане не стремились их приобретать. В этом их особенно сдерживало требование иметь каждому паломнику трех поручителей, которые должны были гарантировать уплату издержек от совершения им хаджа. Найти таких людей паломникам было трудно. Поэтому заграничные паспорта приобретались мусульманами преимущественно для посещения соседних стран. Они предпочитали совершать паломничество в Мекку старинным и испытанным способом – без документов и ведома властей. В итоге, в течение четверти века мусульмане Русского Туркестана, как правило, совершали хадж в Мекку в беспаспортном режиме, в связи с чем организационно-регулирующую роль государства в процессе можно считать условной.

В 1896 г. МВД как соперник военного министерства в борьбе за право управлять Русским Туркестаном представило в правительство «записку», в которой в мрачных тонах характеризовало состояние зарубежного паломничества мусульман региона и предлагало ограничить хадж в Мекку как мероприятие, опасное в политическом и эпидемиологическом отношении. Военное министерство направило копию документа на изучение туркестанской администрации. Ее реакция не была однозначной. В то время,

как краевая канцелярия предлагала власти вообще отстраниться от регулирования хаджа и передать все эти дела самим мусульманским сообществам с тем, чтобы потом «они принимали на себя все неблагоприятные последствия этого путешествия, т.е. обратное возвращение паломников на место родины, если у них не окажется собственных для сего средств»⁴¹, Совет туркестанского генерал-губернатора, напротив, требовал усиления надзора за хаджем и постоянного его регулирования со стороны государства, так как в Русском Туркестане процветало тайное от властей паломничество в Мекку, чреватое занесением возвращающимися паломниками на территорию России опасных эпидемических заболеваний. Поэтому краевой канцелярии было поручено разработать проект «Временных правил паломничества мусульман», которые были утверждены туркестанским генерал-губернатором и опубликованы в январе 1901 г.⁴². Они в значительной мере упорядочили требования к паломникам в Мекку в части документального оформления разрешения на выезд - заграничных паспортов, свидетельств о благонадежности, материальной состоятельности, соблюдении карантинных порядков и т.п. Одновременно, по распоряжению краевой власти, была усилена борьба с тайным, беспаспортным хаджем.

Примечательно, что общегосударственные «Временные правила для паломников-мусульман» были утверждены только 8 июня 1903 г.⁴³. Из семи пунктов документа только один устанавливал обязательность приобретения паломниками заграничных паспортов, а все остальные были посвящены санитарно-эпидемическим проблемам зарубежного паломничества мусульман, рассматриваемым в пятой главе диссертационной работы. Администрация Русского Туркестана вела широкую разъяснительную работу среди мусульман о приобретении заграничных паспортов для совершения хаджа, обеспечивающих дипломатическую защиту их прав за рубежом. Но эта работа имела небольшие успехи.

В этой связи автор отмечает, что мусульмане Средней Азии совершали хадж двумя основными путями: «северным» - через черноморские порты России и «южным» - через Афганистан и Бомбей. Наиболее контролируемым со стороны государства был северный маршрут хаджа, так как паломники не могли сесть на пароходы, идущие в порты Хиджаза - Джидду и Янбо без соответствующих документов и прохождения карантинных мероприятий. Паломничество по «южному» пути было наименее контролируемым, и именно на этом направлении совершался тайный, беспаспортный хадж. Этим путем пользовались многие мусульмане-паломники из Русского Туркестана, надеявшиеся на обратном пути обойти карантинные пункты на границе, что им, как правило, удавалось в виду «прозрачности» пограничных рубежей.

⁴¹ Записка о мусульманском паломничестве // Туркестан в имперской политике России. Монография в документах. М., 2016.

⁴² Туркестанские ведомости. 1901. № 8. 27 января (офиц. часть); Туркестанская туземная газета. 1901. № 6

⁴³ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об утверждении Временных Правил для паломников-мусульман. 8 июня 1903 года // ПСЗРИ-III. Т. 23. Отд. 1. СПб. 1905. № 23108. С. 689-690.

По мнению диссертанта, до конца XIX в. государственное регулирование хаджа в Русском Туркестане сотрудничало преимущественно с паломничеством в Мекку оседлых мусульман, достаточно «твердых» в своем исламской религиозности. В начале XX в. выросло число пилигримов среди кочевников. Однако в Семиреченской области количество мусульман, желающих отправиться в хадж, выросло только относительно предшествующего периода. Иначе обстояли дела в другой «кочевой» области – Закаспийской. Ее руководитель в 1890-1897 гг. А.Н. Куропаткин усилил требования к паломникам в Мекку.

Далее автор отмечает, что проблема хаджа российских мусульман тревожила правительство, так как он был источником панисламистских и эпидемических угроз. Для изучения обстановки в Мекке в 1898 г. были направлены два российских чиновника-мусульманина – капитан А. Давлетшин и доктор медицины М. Далгат. По итогам поездки ими был представлен отчет, малоутешительный по содержанию. Правительство осознало необходимость усиления государственного регулирования хаджа. Следствием явились вышеупомянутые «правила» паломничества мусульман от 8 июня 1903 г. Они, в известной мере, повлияли на решение эпидемической стороны проблемы, но оставалась другая – политическая. Со времени утверждения русской власти в Средней Азии хадж в Мекку был каналом занесения в Россию идей панисламизма и пантюркизма. Многие паломники, возвращаясь из Мекки, останавливались в Стамбуле, где с ними «работали» турецкие спецслужбы. Например, «вождь» Андижанского восстания 1898 г. Мухаммед Али, совершив хадж, прошел такую обработку. Некоторые деятели туркестанской администрации предлагали правительству запретить мусульманам совершать паломничество в Мекку, но наиболее трезвомыслящие, опытные знатоки края выступили против такой идеи.

В заключение параграфа автор приходит к выводу, что государственное регулирование хаджа мусульман Русского Туркестана в Мекку в исследуемый период осуществлялось, однако, несмотря на его опасные в политическом и медицинском отношении последствия, он оставался свободным от каких-либо ограничений, кроме вызванных опасными эпидемическими угрозами.

Во *втором параграфе* – «Государство и паломничество мусульман-шиитов Средней Азии в исследуемый исторический период» диссертант рассматривает проблемы зарубежного паломничества шиитов Средней Азии. Он отмечает, что они составляли незначительную долю мусульман региона, но имели прочные позиции в некоторых сферах жизнедеятельности, а также среди элиты Бухарского ханства. Самой «шиитской» в Русском Туркестане считалась Закаспийская область, имевшая продолжительную границу с Персией. В диссертации приводятся статистические данные о численности шиитов в Средней Азии.

В этой связи автор подчеркивает, что государственное регулирование касалось не только туркестанских шиитов, но и их кавказских единоверцев, использовавших Русский Туркестан в качестве «транзита» на пути к «святым местам» в Персии и «Турецкой Аравии» - Ираке. Непосредственно из

российских областей Средней Азии паломников-шиитов было относительно немного. Тем не менее, по мнению диссертанта, без анализа «шиитского вопроса» нельзя представить полную и всеобъемлющую картину мусульманского паломничества в Русском Туркестане исследуемого периода.

С точки зрения государственного надзора зиярат шиитов был проще хаджа, так как все святыни их веры находились в относительно ограниченном пространстве, в связи с чем шиит мог достичь «святого места» быстрее, чем суннит Мекки. Автор подробно описывает основные «святые места» паломничества шиитов в Персии и «Турецкой Аравии» - Ираке: Мешхед, Кум, Неджеф и Кербелу, отмечая, что они посещали и менее известные святыни.

Далее в работе отмечается, что было в Закаспийской области, где проживало большинство из них. Многие персы-шииты работали на строительстве Закаспийской военной железной дороги (ЗВЖД), которая имела важное стратегическое значение. С ее открытием, паломничество шиитов в Русском Туркестане получило дополнительные импульсы. ЗВЖД была связана паромом с кавказскими железными дорогами. Выгоды новой линии быстро оценили паломники-шииты из Кавказа, так как дорога могла быстрее доставлять их к искомым целям. Таким образом, количество кавказских паломников-шиитов, направляющихся в «святые» места Персии и «Турецкой Аравии» через Русский Туркестан, стало год от года нарастать. Начальник ЗВЖД, генерал М.Н. Анненков решил заработать на паломничестве шиитов. По его приказу, расписание движения поездов и путеводитель по Закаспийской железной дороге были напечатаны на отличной бумаге, с портретом персидского шаха. Изданные буклеты и билеты на поезда раскупались шиитами охотно, так как паломничество по ЗВЖД сокращало время их зиярата в Мешхед и Кум в несколько раз. Соответственно, ускорялось их паломничество в «Турецкую Аравию». Поэтому число кавказских паломников-шиитов, едущих в Мешхед, Кум и к святыням Ирака через Русский Туркестан постоянно нарастало.

Степень государственного регулирования зарубежного паломничества шиитов Русского Туркестана в значительной мере повысилась после выведения Закаспийской области из подчинения кавказским властям и назначения ее начальником генерала А.Н. Куропаткина. Согласно «Закаспийскому положению» 1890 г., он имел право сношения с властями сопредельных стран, которое использовал и в целях регулирования паломничества шиитов⁴⁴. Кроме того, Куропаткин имел непосредственные контакты с российскими дипломатами в сопредельных государствах, особенно в Персии. Он поставил паломничество шиитов под контроль государства и полиции. Начальник области разрешил шиитам совершать паломничество в «святые места» с уведомлением лишь начальников уездов или приставств, но с указанием сроков отлучки и при условии уплаты всех долгов перед зияратом.

⁴⁴ Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-III. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6576. С. 70-75.

Что касается паломничества шиитов в «Турецкую Аравию» - Ирак, то на него распространялись общие требования приобретения заграничных паспортов. Самовольный отъезд шиитов в Неджеф или Кербелу пресекался, и было чревато запретом их последующего возвращения в российские пределы. Жандармско-полицейское управление (ЖПУ) ЗВЖД, уездная полиция, приставы, туркменские милиционеры и др. отлавливали «беспаспортных» паломников-шиитов и выдворяли их по этапу домой. Однако, используя подкуп местной «туземной» администрации, многие из них все же пробирались через область. Таким образом, тайное паломничество продолжалось. Российский генеральный консул в Хорасане уведомлял 30 ноября 1892 г. Министерство иностранных дел и А.Н. Куропаткина о том, что в Мешхед и Кум прибывает большое число кавказских паломников-шиитов, не имеющих официальных документов. В этой связи, как показано в разделе, Хорасанский дипломат предлагал усилить работу пограничных постов в Гаудане, Каахке, Душаке и др. по контролю над паломниками-шиитами и ужесточить наказание для «беспаспортных» пилигримов, налагая на них штраф в размере двойной стоимости заграничного паспорта.

По этому поводу генерал А.Н. Куропаткин сделал соответствующее замечание командирам пограничных воинских подразделений, начальникам уездов и приставств и запросил мнение о состоянии паломничества кавказских мусульман-шиитов у «независимого» эксперта - начальника российской таможни в Узун-ада, подчиненного министерству финансов. Тот высказал ряд дельных предложений по улучшению ситуации с контролем над произвольной миграцией паломников-шиитов. Следуя им, Куропаткин приказал увеличить число стационарных военных пограничных постов и ввел подвижные «летучие посты» из русских казаков и туркменских конных милиционеров, которые постоянно передвигались вдоль границы и неожиданно появлялись перед нарушителями. Беспаспортное паломничество шиитов уменьшилось, но полностью не было ликвидировано. Кавказские губернии, подчиненные МВД, слабо контролировали зиярат своих шиитов.

Вместе с тем, это ведомство участвовало в регулировании их паломничества, но лишь при эпидемических угрозах. Так, 22 октября 1893 г. оно телеграфировало Куропаткину о том, что в связи с опасностью эпидемии в Персии необходимо прекратить движение кавказских пилигримов по ЗВЖД. Уже 31 октября 1893 г. тот издал приказ, которым обязывал военную полицию и ЖПУ ЗВЖД перекрыть все возможные пути доступа кавказских мусульман-шиитов на территорию области. Однако, с уходом Куропаткина на пост военного министра, начальники Закаспийской области значительно ослабили контроль над шиитским паломничеством.

В заключение параграфа диссертант отмечает, что государственные требования к зарубежному паломничеству шиитов в Русском Туркестане были идентичны установлениям для хаджа в Мекку. Однако они часто не исполнялись в виду близости персидских «святых мест» и «прозрачности» пограничных рубежей. Укрепление порядка паломничества мусульман-шиитов в период начальства А.Н. Куропаткина в Закаспийской области

носило временный характер. Однако в любом случае нам представляется главным то обстоятельство, что Российское государство не чинило серьезных препон для зарубежного паломничества шиитов, несмотря на все его издержки.

Глава IV. «Дипломатическое обеспечение паломничества мусульман Средней Азии» состоит из двух параграфов. В *первом* – «*Совершенствование работы российских дипломатических представительств по обеспечению прав российских паломников в Турции, Персии и Китае*» автор указывает на то, что российские дипломатические представительства за рубежом в исследуемый период осуществляли защиту прав мусульман-паломников, включая пилигримов из среднеазиатских ханств, что определялось договорами. По мнению диссертанта, изучение дипломатического аспекта мусульманского паломничества представляется необходимым, так как, во-первых, он ранее не нашел над собой достойной научной рефлексии, а, во-вторых, деятельность российских дипломатических представительств необходимо увязывать при изучении Средней Азии с дореволюционным паломничеством мусульман.

Автор отмечает, что основная нагрузка по дипломатическому обеспечению зарубежного паломничества мусульман Средней Азии легла на Российское генеральное консульство в Константинополе, так как они должны были регистрироваться в этом дипломатическом представительстве, решать с его помощью все проблемы с турецкими властями. А их было немало, так как при турецкой власти уже в самой Мекке и Медине паломники могли стать жертвами со стороны местного населения, администрации и духовенства.

Далее автор доказывает, что за всякое удовлетворение религиозных потребностей, за доступ к святыням, за различные услуги, оказываемые проводниками (далилями) и их поверенными (вакилями), с них взимались немалые деньги. В результате этого значительная часть паломников, обобранная и ограбленная, лишившись средств на обратный путь, была вынуждена оставаться на чужбине и влачить там жалкое существование, пока не представлялась возможность вернуться на родину»⁴⁵.

В 1857 г. было учреждено вице-консульство в Багдаде, которое сыграло важную роль в паломничестве мусульман Русского Туркестана – шиитов, а также суннитов, которые продвигались к Бомбею с тем, чтобы оттуда отплыть в Мекку⁴⁶. Таким образом, в исследуемый период на территории Османской империи сложилась целая сеть российских дипломатических учреждений – посольств, генеральных и обычных консульств, вице-консульств, агентств и др., которые решали проблемы российских паломников-мусульман, направлявшихся в Мекку или к шиитским святыням в «Турецкой Аравии» - Ираке.

Особое значение для паломничества туркестанских мусульман в Мекку имело учреждение консульства в Джидде в ноябре 1890 г. Ведущий

⁴⁵ Ханмагоматов Я.М. Хадж: происхождение и сущность... С. 34.

⁴⁶ Именной, объявленный Сенату министром юстиции – О консульствах наших в турецких владениях, Греции, Персии и Японии. 19 и 26 октября 1857 год. // ПСЗРИ-II. Т. 32. Отд.1. СПб. 1858. № 32289. С.815-816.

российский востоковед В.В. Наумкин отмечает, что «его покровительством пользовались не только русскоподданные, но и уроженцы среднеазиатских ханств, обращающиеся за своими нуждами к России»⁴⁷. В июле 1913 г. было учреждено российское консульство в Неджефе, на которого легла основная нагрузка по защите прав туркестанских паломников, преимущественно шиитов, на территории «Турецкой Аравии» - Ирака⁴⁸.

Аналогичная сеть российских дипломатических учреждений сформировалась и в Персии. При императоре Александре I было открыто полномочное посольство России в Тегеране и несколько позже генеральное консульство в том же городе⁴⁹. В конце XIX в. консульские связи между Россией и Персией получили новые импульсы развития. В июне 1893 г. было учреждено российское генеральное консульство в Мешхеде⁵⁰. Так как он принадлежал к числу важных шиитских «святых мест», то российское генконсульство в городе решало вопросы, связанные с проблемами паломников-шиитов из Кавказа и Русского Туркестана, охраной и защитой их прав. Кроме мешхедских пилигримов, генеральное консульство также опекало российских паломников-шиитов в других «святых» местах Персии, в частности, в Куме. В конце 1896 г. появилось консульство в Исфагане⁵¹. Эти дипломатические представительства защищали права российских паломников-шиитов, а также тех пилигримов, которые шли «южным» путем через Персию на Бомбей, чтобы оттуда отплыть в Мекку, что обходилось им дешевле и проще, чем путешествие «северным» путем – через черноморские порты России. С целью установления контроля над таким движением царское правительство учредило в начале 1900 г. генеральное консульство в Бомбее, которое в 1912 г. было перенесено в Калькутту⁵².

В начале 1880-х гг. дипломатические представительства России появились в Китайском Туркестане - Синьцзяне, учрежденные в Кашгаре, Кульдже, Турфане и Чугучаке⁵³. Они защищали права мусульманских пилигримов Средней Азии, прибывавших к «святым местам» в этом регионе.

⁴⁷ Наумкин В.В. Российская дипломатия в Хиджазе (конец XIX – начало XX в). С. 542

⁴⁸ Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой Закон – Об учреждении вице-консульства в Неджефе. 12 июля 1913 года. // ПСЗРИ -III. Т. 33. Отд. 1. Пг. 1916. № 39870. С. 799-800.

⁴⁹ Именной, данный Коллегии иностранных дел - Об учреждении поста поверенного в делах в Персии. 6 июля 1818 года. // ПСЗРИ-I. Т. 35. СПб. 1830. № 27399. С. 330-331; Именной, данный Сенату - О штате Генерального консульства в Персии. 8 октября 1821 года. // ПСЗРИ-I. Т. 37. СПб. 1830. № 28772. С. 872-873.

⁵⁰ См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об утверждении штатов некоторых зарубежных установлений Министерства иностранных дел - 8 июня 1893 года. // ПСЗРИ- 3. Т. 13. СПб. 1897. № 9755. С.427.

⁵¹ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении российского консульства в Исфагане. 2 декабря 1896 года. // ПСЗРИ-III. Т. 16. Отд.1. СПб. 1899. № 13468. С.742.

⁵² Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении Генерального консульства в Бомбее. 24 января 1900 года. // ПСЗРИ-III. Т. 20. Отд. 1. СПб. 1902. № 18047. С.46-47; Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой Закон – Об учреждении Генерального консульства в Калькутте и об упразднении Генерального консульства в Бомбее. 25 июня 1912 года. // ПСЗРИ-III. Т. 32. Отд. I. Пг. 1915. № 37484. С. 924-925.

⁵³ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О штате некоторых консульств в Китае и Кашгаре и об учреждении должности второго секретаря Миссии в Пекине. 26 января 1882 года. // ПСЗРИ-III. Т. 3. СПб. 1886. № 631. С. 25-26.

Вместе с тем, его мусульманство было основным поставщиком паломников в Мекку, желающих совершить хадж через территорию России. Генеральный консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский имел в Синьцзяне большой вес, в связи с чем без труда решал вопрос о таком паломничестве «кашгарлыков». Естественно, что вместе с выдачей паломнических документов мусульманам Китайского Туркестана Россия брала на себя обязанность защищать их права на пути следования в Мекку. Пример тому приводится в диссертации.

В своей деятельности по дипломатическому обеспечению паломников-мусульман российские представительства руководствовались соответствующими нормативно-правовыми актами. Они занимались регистрацией пилигримов, оформлением заграничных паспортов, взамен утраченных, либо выдачей их заново, принимали на хранение денежные средства и имущество паломников, в случае их смерти сохраняли оставленное ими наследство и передавали его родственникам на родине. Диппредставительства России в Турции, Персии и Китайском Туркестане отслеживали санитарно-эпидемическую ситуацию в местах паломничества мусульман и при появлении первых же признаков эпидемий незамедлительно докладывали об этом в правительство.

В заключение параграфа отмечается, что важной частью деятельности российских дипломатических представительств в Турции, Персии и Китайском Туркестане была опека над мусульманскими паломниками из Средней Азии. В защите их прав они исходили из положений законодательства, но только в отношении тех пилигримов, которые имели официальные документы о российском подданстве или подтвержденные туркестанской администрацией свидетельства среднеазиатских ханств. Важной частью работы российских диппредставительств в названных странах было отслеживание эпидемической ситуации в «святых местах» зарубежного паломничества мусульман Средней Азии, с незамедлительным сообщением правительственным органам о появлении первых признаков чумы, холеры, оспы и др.

Во втором параграфе – *«Деятельность российских дипломатических представительств среди паломников Русского Туркестана в исследуемый период»* диссертант отмечает, что работа российских дипломатических представительств России в Турции, Персии и Синьцзяне осуществлялась в тесном контакте с туркестанской администрацией, которая активно с ними сотрудничала, причем, не только на краевом уровне, но и на местном. В связи с тем, что подавляющее число паломников Средней Азии исследуемого периода совершали хадж в Мекку, то главным образом их опекало генеральное консульство России в Константинополе. Так как турецкие власти относились к российским паломникам-мусульманам негативно, притесняли и обирали их, то консульству приходилось принимать жалобы от туркестанских пилигримов, не исключая бухарских и хивинских, за которых оно тоже несло ответственность. Генконсульство в Константинополе помогало мусульманам-паломникам из Средней Азии улучшать условия прохождения карантинных осмотров, приобретать билеты на пароходы, разыскивать утраченный багаж и

т.д. С такого же рода проблемами сталкивались и другие российские дипломатические представительства в Турции, Персии и Китайском Туркестане. Автор особо отмечает, что они последовательно защищали права не только мусульман-паломников из Русского Туркестана, но и пилигримов из среднеазиатских ханств. В обеспечении паломничества мусульман Бухарского ханства участвовало российское дипломатическое представительство в эмирате – Политическое агентство, которые выдавало его подданным документы для хаджа суннитов и зиярата шиитов.

В практике деятельности зарубежных российских дипломатических служб по регулированию паломничества мусульман как в Мекку, так и к шиитским святыням Персии и «Турецкой Аравии», значительное место занимали разного рода регистрационные мероприятия. Кроме загранпаспортов паломников, они должны были проверять наличие в них всех необходимых отметок, которые делались в местах их нахождения, что не всегда соответствовало установленным порядкам. Так, в 1896 г. мусульмане-паломники из Средней Азии не смогли получить такие отметки из-за разнобоя в паспортной деятельности властей Русского Туркестана и МВД. Проблемы возникали и в тех случаях, когда мусульмане-паломники из Средней Азии теряли свои заграничные паспорта, что происходило нередко. При наличии квитанции о получении паспорта по месту жительства, паломники получали в консульствах новые заграничные паспорта незамедлительно. Если же такого документа у паломника не было, то следовала процедура его «опознания» - подтверждения его личности, связанная с составлением соответствующего протокола. Для ее проведения приглашались свидетели – туркестанские паломники, лично знавшие беспаспортного пилигрима, обязательно имевшие при себе российские загранпаспорта, так как их данные заносились в протокол «опознания». Свидетелей должно было быть не менее двух. Свои показания относительно личности беспаспортного земляка они должны были подтверждать присягой. Протокол подписывался секретарем генерального консульства. После этого паломник получал новый российский заграничный паспорт. Консульства выдавали загранпаспорта и тем паломникам, у которых их не было изначально.

В этой связи приводятся статистические данные о выдаче таких документов мусульманам-паломникам из Средней Азии. Хуже дело обстояло с теми паломниками из Русского Туркестана, кто утратил деньги. Так как российские консульства не получали специальных средств для такого рода случаев, то им приходилась немалую изобретательность, чтобы помочь пилигримам, оказавшимся в бедственном положении. Кроме этого, дипломатические представительства России принимали на хранение денежные средства и имущества паломников-мусульман. В случае смерти паломников, дипломаты составляли документы, свидетельствовавшие о смерти. Большой объем работы с туркестанскими паломниками проводило российское консульство в Джидде – последнем порту перед Меккой. Так, в 1893 г. российский консул в Джидде с трудом вернул в Коканд, 10-летнего мальчика, отец которого умер во время хаджа в Мекку.

Далее в разделе показано, что мусульмане-пилигримы из Русского Туркестана критиковали общие условия их перевозки на паломнических судах в Хиджаз, что во многом соответствовало действительности, но вызывало негативное отношение со стороны пароходных компаний. В сфере дипломатического обеспечения паломничества мусульман Средней Азии отличались спецификой работы консульства в Китайском Туркестане, особенно, в Кашгаре. Кроме оформления документов для кашгарских мусульман на совершение ими хаджа в Мекку через территорию России, местное консульство (с 1895 г. – генеральное) отслеживало региональное паломничество мусульман Русского Туркестана и среднеазиатских ханств, которое было для них зарубежным.

На территории Синьцзяна имелись «святые места», которые были объектами общего почитания и поклонения мусульман всего Туркестана в целом – мазары Падшахан-ходжи, Акмазара, Афту-Моодан, Ходжи Мухаммада Шерип-пира, Муй-Мубарак, Алтын-Мазар и др. Среди них особой популярностью пользовался мавзолей Хазрат-Афака. Так как китайские власти относились к паломникам из Русского Туркестана грубо, то генконсулу в Кашгаре Н.Ф. Петровскому приходилось последовательно и жестко отстаивать их права. Другим важным центром паломничества среднеазиатских мусульман в Восточном Туркестане являлся город Кульджа, имеющий немало мазаров мусульманских «святых», которые получали возможную помощь российских консулов.

В заключение параграфа говорится о том, что российские дипломатические представительства играли большую роль в осуществлении зарубежного паломничества мусульман Средней Азии. Они защищали права паломников-мусульман от происков турецких властей, поддерживали их на территории Персии и Китайского Туркестана. Консульства решали регистрационные и паспортные дела, помогали среднеазиатским паломникам проходить карантинные пункты, разыскивали утраченный ими багаж, хранили деньги и имущество пилигримов и т.д. В случае смерти паломников, консульства пересылали оставшиеся после них средства родственникам, а детям умерших пилигримов помогали возвратиться на родину.

Глава V. «Санитарно-гигиенические и эпидемиологические проблемы паломничества мусульман Средней Азии» включает два параграфа. В первом – *«Особенности медицинско-правового регулирования паломничества в царской России: туркестанский вариант»* автор подчеркивает, что нельзя изучать любое паломничество в дореволюционной России без учета санитарно-гигиенической и эпидемической и других заболеваний. В этой связи диссертант отмечает, что паломничество способствовало распространению эпидемических заболеваний, анализирует медицинско-правовое регулирование паломничества в России до присоединения к ней Средней Азии. Отмечая характер противоэпидемических мер и наказания за их нарушение, автор подчеркивает, что карантинные мероприятия были недостаточными.

В 1803 г. император Александр I «именным» указом разрешил бухарским подданным совершать хадж в Мекку через территорию России, что способствовало неконтролируемому проникновению паломников-мусульман из Средней Азии, представлявших большую опасность в эпидемическом отношении. Однако «Таможенный устав по Азиатской торговле» 1817 г. не устанавливал карантинного досмотра товаров, привозимых в Оренбург из Средней Азии, чтобы не мешать растущей торговле России с этим регионом. В период царствования Николая I выяснились пагубные последствия отсутствия должного режима на среднеазиатском направлении. Однако новые документы карантинного законодательства принципиально не изменили льготного режима для торгово-экономических связей с Туркестаном. Таким образом, торговля со Средней Азией оставалась важным каналом проникновения в Россию как мусульман-паломников в Мекку, так и бактерий опасных эпидемических «поветрий». Вместе с тем, после присоединения региона Россия, понимая опасность зарубежного паломничества новоявленных подданных мусульман, подписала во второй половине XIX – начале XX в. ряд международных конвенций по санитарно-эпидемическим проблемам процесса. Отправление в хадж допускалось лишь из тех русских портов Черного моря, которые были утверждены Министерством внутренних дел. Укреплялись карантинные учреждения на морских и сухопутных границах России. В апреле 1893 г. были утверждены меры профилактической работы на этих рубежах. Они коснулись и Русского Туркестана. В 1893 г. была учреждена Хейрабадская санитарно-гигиеническая станция⁵⁴. В 1896 г. сроки ее работы были продлены, в связи с чем она стала постоянно действующим учреждением⁵⁵.

Появление в 1894 г. новой угрозы чумы вызвало не только международную реакцию, но и внутрироссийскую⁵⁶. Так, в июле 1894 г. были утверждены «правила» профилактической работы по предупреждению заноса чумы со стороны сухопутных границ Китая⁵⁷. Документ имел отношение к Средней Азии, имевшей границу с ним в Семиречье и на Памире. Угроза чумной эпидемии стала очевидной к концу 1896 г. Власти Китайского Туркестана перекрыли торговлю со Средней Азией. Туркестанская администрация усилила карантинные заставы, казачьи разъезды, привлекла к делу «туземных джигитов» и т.п., так как многие паломники-мусульмане из Китайского Туркестана до этого фактически свободно пересекали границу с тем, чтобы не только посетить «святые места» ислама в Средней Азии, но и

⁵⁴ Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об учреждении в Закаспийской области, в урочище Хейрабад, санитарно-гигиенической станции. 12 сентября 1893 года. // ПСЗРИ-III. Т. 13. СПб. 1897. № 9943. С. 555-556.

⁵⁵ Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О продлении действия учрежденной приказом по военному ведомству 1893 года, № 224 Хейрабадской санитарно-гигиенической станции. 7 июня 1896 года. // ПСЗРИ-III. Т. 16. Отд. 1. СПб. 1899. № 13048. С. 543.

⁵⁶ Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О дополнении Высочайше утвержденных 26 апреля 1893 года Правил для применения предупредительных против заноса эпидемических болезней мер по морским границам Империи. 27 мая 1894 года. // ПСЗРИ-III. Т. 14. СПб. 1898. № 10664. С.320.

⁵⁷ Высочайше утвержденные Правила для принятия мер против заноса чумы: I. По сухопутной границе с Китаем и II. В портах Восточного океана. 15 июля 1894 года. // ПСЗРИ-III, Т. 14. СПб. 1898. № 10906. С.540-541.

отправиться в хадж в Мекку через территорию России, что было для них удобнее, быстрее и безопаснее. В начале 1898 г. Россия присоединилась к международной Венецианской санитарной конвенции 1897 г., которая выработала «Общий Санитарный Устав для предупреждения занесения и распространения чумы»⁵⁸. Мусульманскому паломничеству в нем уделялось основное внимание, так как страны Европы тоже опасались его как опасного «транша» занесения эпидемических заболеваний на территорию континента.

Примечательно, что даже во время реального существования эпидемических угроз на южных рубежах империи царское правительство, руководствуясь торговыми интересами, в 1897 г. издало акты о смягчении карантинных мер на Каспийском море, то есть на западной границе Русского Туркестана⁵⁹. В тех же интересах, в 1902 г., вместо полного закрытия границ с Китаем, Персией и Афганистаном во время эпидемий, согласно «правилам» 1894 г., было решено ограничиться устройством врачебно-наблюдательных пунктов на рубежах Средней Азии⁶⁰. Естественно, что они мало препятствовали хаджу в Мекку, зиярату шиитов в Персию и «Турецкую Аравию» - Ирак, а также паломничеству мусульман региона в Китайский Туркестан. Однако проблема занесения мусульманскими паломниками опасных эпидемических заболеваний все же тревожила правительство. Вышеупомянутый отчет Давлетшина об ужасающей антисанитарии в Мекке подвигнул власть к разработке упоминавшихся «Временных правил для паломников-мусульман» от 8 июня 1903 г., посвященных главным образом санитарно-эпидемическим проблемам⁶¹.

В августе 1903 г. был принят закон о борьбе с эпидемиями при их появлении в пределах Российской империи⁶². Закон учреждал Главную железнодорожную санитарно-исполнительную комиссию, имевшую филиалы на туркестанских железных дорогах. Понятно, что мусульмане-паломники, двигавшиеся из Средней Азии через Россию к черноморским портам, чтобы отбыть оттуда в Мекку, или их единоверцы-пилигримы, ехавшие по Закаспийской железной дороге в сторону Персии, подлежали действию этого закона. Поэтому не упомянуть его в ракурсе предпринятого диссертационного исследования было бы ошибочным. В том же 1903 г. Россия присоединилась к Парижской санитарной конвенции, содержащей специальный раздел:

⁵⁸ Высочайше ратификованная Конвенция об установлении профилактических мер для паломничества в Мекку с четырьмя приложениями. 12 января 1898 года. // ПСЗРИ-III. Т. 18. Отд. 1. СПб. 1901. № 14891. С. 46-69.

⁵⁹ Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции – О предупредительных мерах против заноса чумы в порты Черного и Каспийского морей. 18 февраля 1897 года. // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб. 1900. № 13770. С. 77-78; Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции – О некоторых мероприятиях по борьбе с чумной заразой. 12 июля 1897 года. // ПСЗРИ-III. Т. 17. СПб. 1900. № 14454. С. 533; Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции – О распространении в полном объеме на порты Черного и Каспийского морей Правил, изданных для принятия предупредительных мер против заноса чумы в порты Восточного океана 15 июля 1894 года. 18 марта 1897 года. // ПСЗРИ-III. Т. 17. СПб. 1900. № 13870. С. 127.

⁶⁰ Высочайшее повеление, объявленное министром внутренних дел – Об охране от заноса чумы сухопутной границы Азиатской России. 7 марта 1902 года. // ПСЗРИ-III. Т. 22. Отд. 1. СПб. 1904. № 21176. С. 150.

⁶¹ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об утверждении Временных Правил для паломников-мусульман. 8 июня 1903 года // ПСЗРИ-III. Т. 23. Отд. 1. СПб. 1905. № 23108. С. 689-690.

⁶² Высочайше утвержденные Правила о принятии мер к прекращению холеры и чумы при появлении их внутри Империи. 11 августа 1903 года. // ПСЗРИ-III. Т. 23. Отд. 1. СПб. 1905. № 23336. С. 881-884.

«Особенные постановления для паломничества»⁶³. В 1909 г. противоэпидемическая комиссия под председательством принца П.А. Ольденбургского разработала «Правила перевозки на судах паломников-мусульман, направляющихся из черноморских портов в Хеджас и обратно», утвержденные императором Николаем II⁶⁴.

В заключение параграфа диссертант приходит к выводу, что царское правительство издавало суровые акты о борьбе с распространением опасных заразных заболеваний, однако, исходя из торгово-экономических выгод связей со Средней Азией, оно допускало карантинные послабления по отношению к мусульманам, прибывавшим из этого региона, в том числе для совершения паломничества в Мекку через территорию России. С присоединением Средней Азии к России ситуация изменилась, но не кардинальным образом. Торгово-экономические интересы продолжали преобладать. Однако в целом борьба против занесения пилигримами-мусульманами опасных эпидемий из паломничества к зарубежным исламским святыням усилилась, в том числе и на международном уровне. Но это не смогло полностью искоренить эпидемические угрозы в Средней Азии исследуемого периода.

Во *втором параграфе* – «Санитарно-эпидемический аспект паломничества мусульман Русского Туркестана в исследуемые годы» диссертант отмечает, что наметившаяся тенденция совершения хаджа мусульманами Средней Азии через территорию России только усиливалась, что тревожило власти Оренбургского региона, знавших о том, что в отсталом Туркестане часто свирепствовали «моровые поветрия» - чума, холера, оспа, тиф, малярия и др. и здесь не было никаких специальных медицинских служб для борьбы с ними. В 1830-х гг. они добились издания актов об ограничении возможностей мусульманам Средней Азии совершать хадж через территорию России. Однако при этом в них предписывалось не стеснять карантинными мерами торговые караваны из Средней Азии, с которыми прибывали и паломники в Мекку. Автор пишет, что двусмысленная политика правительства способствовала тому, что указанные акты не действовали, так как прибывшие с караванами пилигримы смешивались с толпами на ярмарках, покупали у волостных управителей свидетельства о местной «прописке» и свободно продвигались по России к черноморским портам, откуда отправлялись в Мекку. После присоединения Средней Азии мусульмане Русского Туркестана получили полные гражданские права и могли беспрепятственно совершать хадж через территорию новой родины.

Присоединение региона поставило перед царскими властями огромные проблемы санитарно-эпидемического характера, которые разрешались с большим трудом. В Средней Азии продолжали свирепствовать эпидемии.

⁶³ Высочайше ратификованная Парижская Международная Санитарная Конвенция, заключенная 20 ноября / 3 декабря 1903 года. 15 марта 1904 года // ПСЗРИ-III. Т. 25. Отд. 1. СПб.1908. Дополнения к XVIII тому. № 24201-а. С.88-117.

⁶⁴ Правила перевозки на судах паломников-мусульман, направляющихся из черноморских портов в Хеджас и обратно. // Ислам в законодательстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России: Учебное пособие для студентов исторического и юридического факультетов. Уфа, 1998. С. 68-78.

«Туркестанские ведомости» отмечали в 1882 г., что через 17 лет после утверждения царской власти в Средней Азии санитарное состояние «туземных» селений в крае можно характеризовать как угрожающее, порождающее массу инфекционных болезней среди населения⁶⁵. Несмотря на усиленную работу российских медицинских служб в Русском Туркестане, эпидемии проникали на его территорию из среднеазиатских ханств, где с ними никто решительно не боролся, а также из соседних стран – Афганистана, Персии и Китайского Туркестана, где была такая же ситуация.

Естественно, что в условиях фактически постоянного присутствия эпидемических заболеваний на территории Средней Азии любой вид мусульманского паломничества – местного и зарубежного был затруднен. Во время разгула эпидемий оно прекращалось властью. Однако попытки некоторых «исследователей» обвинить в запрете посещения мусульманских «святых мест» в регионе или исполнения хаджа российскую администрацию совершенно беспочвенны. Независимая от властей мусульманская газета «Терджиман» в 1897 г. свидетельствовала, что туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский, после переговоров с бухарским эмиром и хивинским ханом, запретил паломничество к «святым местам», расположенным на территории Русского Туркестана и ханств из-за распространения холеры в Средней Азии⁶⁶. Таким образом, запретительное творчество по отношению к паломничеству мусульман к «святым местам» в крае было плодом взаимного сотрудничества туркестанской администрации и двух среднеазиатских ханов, которые сами понимали необходимость его ограничения в условиях эпидемической опасности. Это был всеобщий консенсус властей, что наивно опровергать. Таким образом, региональное паломничество мусульман Средней Азии к «святым местам» нельзя более представлять непрерывным процессом, так как оно нередко прерывалось, но не по политическим причинам, о чем заявляют ангажированные историки стран «Центральной Азии», а по санитарно-эпидемическим.

Особенно опасным в санитарно-эпидемическом отношении было зарубежное паломничество мусульман Средней Азии, так как в Мекке и в «святых местах» шиитов скопления огромных масс людей часто вызвали появление опасных заболеваний, бактерии которых пилигримы позже разносили по домам. При появлении эпидемий власти Русского Туркестана вводили запреты как на региональное паломничество мусульман, так и на зарубежное. К борьбе с ними привлекались гражданские медицинские службы, а также соответствующие подразделения Туркестанского военного округа. Но запретительная политика в отношении паломничества мусульман Средней Азии проводилась осторожно. Так, после холерной эпидемии, свирепствовавшей в Мекке в 1893 г., унесшей многие тысячи жизней паломников, французское правительство запретило своим мусульманам совершение хаджа, тогда как Российское государство лишь ограничило его,

⁶⁵ Санитарное состояние Туркестанского края в 1882 году. // Туркестанские ведомости. 1884. № 19.

⁶⁶ Абдирашидов Зайнабидин. Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман». (1883-1917). С. 103.

опасаясь, что полный запрет паломничества в Мекку может обидеть религиозные чувства мусульман и породить среди них антиправительственные настроения. Оно приняло усиленные, дорогостоящие меры санитарно-гигиенического характера, а также военного - выставления кордонов на границе с Афганистаном, Персией и Китайским Туркестаном с тем, чтобы предупредить возможное появление эпидемии в Средней Азии⁶⁷.

Естественно, что власти Русского Туркестана в борьбе с эпидемическими угрозами сотрудничали с Медицинским департаментом МВД, который был главным регулятором паломничества мусульман страны. Большую информационную помощь в этом плане им оказывало Министерство иностранных дел. Согласованное взаимодействие военного министерства с указанными ведомствами было, например, продемонстрировано в 1881 г. в связи с чумой в Месопотамии. Позже оно тоже не раз имело место. Но основная нагрузка в борьбе с эпидемиями ложилась на администрацию Русского Туркестана. Так, во время холерной эпидемии 1892 г. санитарно-гигиенические меры власти вызвали недовольство мусульманского населения и даже бунт в Ташкенте, однако были доведены до конца. В том же году начальник военного гарнизона в Узун-Ада, подполковник Л.К. Артамонов оперативно ввел строгие карантинные меры с широким применением «обсервации» и дезинфекции, продолжавшиеся с 21 мая по 1 октября 1892 г., чем спас жизни сотен мусульманских паломников, прибывавших по ЗВЖД⁶⁸.

Автор напоминает, что туркестанские власти в январе 1901 г. ввели в действие свои «правила» для паломничества мусульман, то есть на полтора года раньше общеимперских установлений на сей счет. Повсеместно были организованы уездные санитарно-исполнительные комиссии с широкими полномочиями. Были усилены меры медико-эпидемического надзора за паломниками-мусульманами на двух туркестанских железных дорогах. Но в целом санитарно-эпидемический надзор за паломничеством мусульман до конца исследуемого периода не был всеобъемлющим, в связи с чем многие пилигримы обходили карантинные посты на границах и привносили в регион бациллы эпидемий, которые потом распространялись по региону.

В заключение параграфа автор отмечает, что медицинско-правовое регулирование паломничества мусульман Средней Азии было введено только при российской власти, организовавшей сеть медицинских учреждений, которые отслеживали эпидемическую ситуацию и в «святых местах» паломничества мусульман региона, понимая опасность распространения подвижными пилигримами вирусов эпидемических заболеваний. Во время их распространения всякое паломничество приостанавливалось, причем, непременно при достижении согласия с властями среднеазиатских ханств. Туркестанская администрация разрабатывала свои условия мусульманского

⁶⁷ Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О дополнении Высочайше утвержденных 26 апреля 1893 года Правил для применения предупредительных против заноса эпидемических болезней мер по морским границам Империи. 27 мая 1894 года. // ПСЗРИ-III. Т. 14. СПб., 1898. № 10664. С.320.

⁶⁸ Артамонов Л.К. Узун-Адинский гарнизон. Отчет начальника гарнизона и карантинной обсервации в порте Узун-Ада по мероприятиям для борьбы с холерной эпидемией в том же порте с 21-го мая 1892 по 1-е октября 1892 г. ГШ (Генерального штаба – П.Л.) подполковника Л.Артамонова. Асхабад, 1893.

паломничества, но руководствовалась также соответствующими общеимперскими «правилами» 1903 г. Но в целом предписания власти о медико-эпидемических условиях паломничества мусульман имели ограниченные результаты, так как многие из них предпочитали совершать его «по старинке», тайно, вне ведома русской региональной администрации.

В заключение подводятся итоги и делаются выводы, которые сводятся к следующему:

1. Истоки паломничества уходят далеко в прошлое. В целом оно имело общие закономерности, но его формы зависели от региональных особенностей, что проявилось в Средней Азии;

2. Диссертация выполнена на основе разнообразных источников, особенно законодательных и архивных. Все сведения были подвергнуты профессиональному методологическому анализу, что позволило достичь полноценных научных результатов;

3. Несмотря на запреты канонического ислама, в Средней Азии исследуемого периода процветало паломничество мусульман к региональным «святым местам». Его базовой основой являлся «народный ислам» как органически единый синтез языческих верований и канонов религии Пророка;

4. Российское государство не запрещало местного паломничества мусульман, кроме случаев распространения в Туркестане эпидемий. Оно относилось терпимо к зарубежному паломничеству мусульман региона и препятствовало ему только во время эпидемических угроз;

5. В интересах организации и регулирования процесса паломничества государство изначально старалось ввести его в рамки действующего законодательства. Однако это имело ограниченные результаты, так как пилигримы предпочитали обходиться без заграничных паспортов и разрешения властей;

6. Для обеспечения защиты прав туркестанских паломников за рубежом функционировала сеть российских дипломатических представительств в Турции, Персии и Китайском Туркестане, которые способствовали упорядочению зарубежного паломничества мусульман Средней Азии, помогая им решить многие юридические, экономические, транспортные, медицинские и др. проблемы;

7. Издержки регулирования зарубежного паломничества мусульман были одним из источников проникновения в Среднюю Азию вирусов эпидемических заболеваний, так как возвращающиеся из Мекки и от шиитских святынь пилигримы обходили карантинные пункты на границах, создавая инфекционные угрозы в регионе;

8. Важной частью работы дипломатических представительств России было отслеживание эпидемической ситуации в местах паломничества мусульман и при необходимости быстрое реагирование соответствующих государственных ведомств. Это было тем более необходимо, так как паломничество мусульман Средней Азии в исследуемый период всегда находилось под угрозой появления эпидемий;

9. В случае их распространения в регионе российские власти запрещали паломничество в среднеазиатские ханства. В тоже время Российское государство осуществляло санитарно-эпидемический контроль над зарубежным паломничеством мусульман Средней Азии, который имел ограниченные результаты из-за невыполнения ими карантинных условий. Поэтому опасность распространения эпидемических заболеваний через паломников, возвращавшихся из зарубежных «святых мест», в Средней Азии исследуемого периода была фактически перманентной;

10. Результаты диссертации подтверждают, что в исследуемый период Российское государство относилось ко всем видам паломничества мусульман Туркестана толерантно и регулировало его только.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОТЫ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

а) Монографии:

1. *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 377 с. (23,5 п. л.)

2. *Литвинов В.П.* Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха Нового времени). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 311 с. (19,4 п.л.)

3. *Литвинов В.П.* Государство и паломничество мусульман в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. 565 с. (35,5 п.л.)

б) Статьи, опубликованные в научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

4. *Литвинов В.П.* К статистике «святых мест» ислама в Туркестане (конец XIX - начало XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2007. № 1. С. 128-132. (0,5 п.л.)

5. *Литвинов В. П.* Медина как объект паломничества мусульман Туркестана (последняя треть XIX - начало XX вв.) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университет. Бишкек: КРСУ, 2013. Т. 13. № 6. С. 36-42. (0,5 п. л.)

6. *Литвинов В.П.* Хадж как один из важнейших канонов ислама: история и современность. // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: КРСУ, 2013. Т. 13. № 6. С. 36-42. (0,7 п.л.)

7. *Литвинов В.П.* Государственное регулирование паломничества мусульман-шиитов Туркестана (конец XIX – начало XX в). // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: КРСУ, 2014. Т. 14. № 3. С. 36-42. (0,5 п.л.)

8. *Литвинов В.П.* Власть и паломничество мусульман в Русском Туркестане. // Власть. 2014. № 6. С. 88-93. (0,6 п. л.)

9. *Литвинов В.П.* О финансовых проблемах внерегионального паломничества мусульман Туркестана (1865-1917 гг.) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: КРСУ, 2014. Т. 14. № 6 С. 36-42. (0,7 п.л.)

10. *Литвинов В.П.* Социокультурный и образовательный аспекты проблемы хаджа мусульман Туркестана (эпоха Средневековья и Нового времени) // Мир образования – образование в мире. М.: МПСУ, 2014. № 3. С. 96-105. (0,5 п.л.)

11. *Литвинов В.П.* К интерпретации проблемы хаджа в ракурсе священных источников ислама // Пространство и время [Space and Time]. М., 2014. № 3. С. 236-144. (0,7 п.л.)

12. *Литвинов В.П.* Хадж мусульман Туркестана в период устройства царской власти в регионе (1865-1870-е гг.) (по архивным и правовым материалам) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: КРСУ, 2014. Т. 14. № 11. С. 58-63. (0,6 п.л.)

13. *Литвинов В.П.* Государственное регулирования регионального паломничества мусульман Туркестана (1865-1917) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: КРСУ, 2014. Т. 14. № 11. С. 52-57 (0,6 п.л.)

14. *Литвинов В.П.* Историки Центральной Азии о паломничестве мусульман региона // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: КРСУ, 2015. Т. 15. № 2. С. 53-56. (0,6 п. л.)

15. *Литвинов В.П.* Российская дипломатия на Востоке и ее роль в обеспечении нужд паломников-мусульман. (вторая половина XIX начало-XX вв.) // Пространство и время. 2015. № 1-2. С. 398-402. (0,7 п.л.)

16. *Литвинов В.П.* Историко-правовой аспект хаджа мусульман Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: КРСУ, 2015. Т. 15. № 12. С. 43-48. (0,6 п.л.)

17. *Литвинов В.П.* Местное паломничество мусульман Туркестана и Кавказа: опыт сравнительного анализа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исламоведение. Махачкала: ДГУ, 2016. № 2. С. 16-23. (0,8 п.л.)

18. *Литвинов В.П.* «Святые места» мусульман Туркестана как центры антироссийской деятельности турецкой агентуры (вторая половина XIX - начало XX в.). // Вестник РУДН. Серия «История России». М.: РУДН, 2016 Том 15. №2. С.45-54. (0,7 п.л.)

19. *Литвинов В.П.* Европейцы в Мекке: научные исследования или разведка? // История: факты и символы. Елец: ЕГУ, 2016. № 3. С. 72-81. (0,7 п.л.)

20. *Литвинов В.П.* Санитарно-эпидемиологические меры власти в системе паломничества мусульман Русского Туркестана // Власть. 2017. № 5. С. 210-216. (0,7 п.л.)

21. *Литвинов В.П.* Истоки правового дискурса о хадже: первый закон о паломничестве мусульман России // Вестник Таджикского национального университета. Душанбе: РТСУ, 2018. №3/6. С.20-23. (0,6 п. л.)

22. *Литвинов В.П.* «Народный ислам» как синтез язычества и мусульманской религии в Туркестане: паломнический аспект // Исламоведение. Махачкала: ДГУ, 2018. Т. 9. № 1. С.54-64. (0,6 п. л.)

в) Статьи, опубликованные в изданиях, входящих в международные базы цитирования Scopus и Web of Science:

23. *Литвинов В.П.* Региональное паломничество мусульман Русского Туркестана: малоизвестные страницы // Диалог со временем. М.: Аквилон, 2017. № 58. С. 297- 307. (0,6 п.л.)

24. *Литвинов В.П.* Государство и паломничество мусульман Туркестана. // Российская история. М.: Наука, 2017. № 1. С. 139-147. (0,7 п.л.)

г) Статьи, опубликованные в прочих научных изданиях

25. *Литвинов В.П.* Основные пути паломничества мусульман Туркестана в конце XIX-XX вв. (по архивным материалам) // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сборник научных трудов. 1999. Вып. 2. Елец: ЕГПИ, 1999. С. 28-30. (0,4 п.л.)

26. *Литвинов В.П.* Мусульманское паломничество к «святым местам» в Туркестане (вторая половина XIX -начало XX вв. // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сборник научных трудов. Вып. 3. Елец: ЕГПИ, 2000. С. 64-77. (0,8 п.л.)

27. *Литвинов В.П.* Паломники как «средство массовой информации» в Туркестане. // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сборник научных трудов. Вып.4. Елец: ЕГПИ, 2001. С. 120-122. (0,3 п.л.)

28. *Литвинов В.П.* Паломничество к «Трону Соломона» // Человек и общество в истории российской цивилизации. Материалы VI Всероссийской научно- практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 23 апреля 2004 г. Сборник научных трудов. М.: РУДН, 2004. С. 377-385. (0,6 п.л.)

29. *Литвинов В.П.* Мавзолей Ходжа Ахрара как объект мусульманского паломничества // Духовность, нравственность и культура в российской истории. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 21 апреля 2006 г. Сборник научных трудов. М.: РУДН, 2006. С. 356-363. (0,6 п.л.)

30. *Литвинов В.П.* Паломничество к великому «степному святому» // Образ жизни в России: история и современность. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Сборник научных трудов. М.: РУДН, 2007. С. 445-453. (0,6 п.л.)

31. *Литвинов В.П.* Дипломатическое регулирование хаджа российских мусульман во второй половине XIX - начале XX вв. // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика). Вып. 4. Материалы 4-й международной конференции арабистов Института

востоковедения РАН. 6-7 декабря 1999 г. Сборник научных трудов. М.: ИВ РАН, 2000. С. 326-334. (0,6 п.л.)

32. *Литвинов В.П.* Коран о хадже // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сборник научных трудов. Вып. 5. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. С. 89-92. (0,4 п.л.)

33. *Литвинов В.П.* Нормативно-правовые акты зарубежного паломничества среднеазиатских мусульман во второй половине XIX в. // XXI век: актуальные проблемы истории России. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 19 апреля 2002 г. Сборник научных трудов М.: РУДН, 2002. С. 307-313. (0,6 п.л.)

34. *Литвинов В.П.* Хадж мусульман Туркестана: медицинский аспект // Вестник Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. Сборник научных трудов. Вып. 1. Серия: история, право. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. С. 106-116. (0,6 п.л.)

35. *Литвинов В.П.* Правовое регулирование хаджа мусульман Русского Туркестана во второй половине XIX - начале XX вв. (по архивным материалам) // Россия в XXI веке: цивилизация и культура. Сборник материалов ученых и аспирантов. М.: РУДН, 2001. С. 32-37. (0,5 п.л.)

36. *Литвинов В.П.* Хадж мусульман Русского Туркестана: финансовый аспект // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 25 апреля 2003 г. Сборник научных трудов М.: РУДН, 2003. С. 341-349. (0,5 п.л.)

37. *Литвинов В.П., Литвинов Вяч. П.* Дорога на «Крышу мира» (к вопросу о нетрадиционных путях хаджа в Туркестане) // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 25 апреля. Сборник научных трудов. 2003 г. М.: РУДН, 2003. С. 124-132. (0,6 п.л.)

38. *Литвинов В.П.* Особенности административно – правового регулирования паломничества (хаджа) мусульман в царской России (на примере Туркестанского края последней трети XIX – начала XX в.) // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы XII Международной научной конференции. Иваново, 20-21 апреля 2013 г.: 2 ч. Сборник научных трудов. Иваново: Ивановский государственный университет, 2013. Ч. 2. С. 468-475. (0,6 п.л.)

39. *Литвинов В.П.* Объекты поклонения мусульман-шиитов Туркестана. // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия «Востоковедение». Алматы: КазНУ, 2014. №1 (67). С. 23-32. (0,8 п.л.)

40. *Литвинов В.П.* Конституция РФ и проблемы свободы совести: история и современность // Конституция Российской Федерации и развитие современной государственности: теория и практика. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 6 декабря 2013 г., Сборник научных трудов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. С. 150-154. (0,5 п.л.)

41. *Литвинов В.П.* Историко-правовой аспект утверждения принципа свободы совести в законодательстве России // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы XIII Международной научной конференции. Иваново, 12-13 марта 2014 г.: 2 ч. Иваново: Ивановский государственный университет, 2014. Ч.1. С. 452-457. (0,6 п.л.)

42. *Литвинов В.П.* Особенности государственно-правового регулирования внерегионального паломничества мусульман-шиитов в Русском Туркестане // IV Международные Востоковедческие чтения памяти Н.П.Остроумова. Сборник научных трудов. Ташкент: Turon zamin ziyo, 2014. С. 274-292. (1 п.л.)

43. *Литвинов В.П.* О доисламской традиции культа святых в религии Пророка. // Язык и литература. Республика Азербайджан. Баку: Бакинский государственный университет, 2015. № 1(93). С. 350-353. (0,6 п.л.)

44. *Литвинов В.П.* Хадж мусульман Средней Азии: рубежи XIX-XX и XX-XXI вв. (Опыт историко-компаративного анализа) // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI вв.: материалы XIV Международной научной конференции. Иваново, 18-19 марта 2015г.: в 2 ч. Сборник научных трудов. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. Ч. 1. С. 539-546. (0,5 п.л.)

45. *Литвинов В.П.* Россия и Восток - связующие нити паломничества. // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X Всероссийского с международным участием съезда востоковедов. Уфа, 7-10 октября, 2015 г. Сборник научных трудов. Уфа: БашГУ, 2016. С. 202-207. (0,6 п.л.)

46. *Литвинов В.П.* О пантюристских планах гитлеровской Германии: дополнительные штрихи к материалам Нюрнбергского процесса 1945-1946. // Нюрнбергский процесс-приговор фашизму. Материалы международной научно-практической конференции в рамках праздничных мероприятий, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Сборник научных трудов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2015. С. 207-212. (0,5 п.л.)

47. *Литвинов В.П.* Историко-правовой аспект паломничества мусульман Русского Туркестана // Материалы межрегиональной научно-практической конференции по актуальным проблема права и экономики. К 20-летию юридического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина и 75-летию Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Сборник научных трудов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2015. С. 64-70. (0,5 п.л.)

48. *Литвинов В.П.* Деятельность турецкой агентуры в «святых местах» Русского Туркестана (вторая половина XIX в.) // Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы XV Международной научной конференции: 2 ч. Иваново: Ивановский государственный университет. Сборник научных трудов. 2016. Ч.1. С.467-383. (0,5 п.л.)

49. *Литвинов В.П.* Местное паломничество мусульман царской России. // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия «Востоковедение». Республика Казахстан. Алматы: КазНУ, 2016. № 1 (76). С. 98-106. (0,7 п.л.)

50. *Литвинов В.П.* Паломничество мусульман Восточного (Китайского) Туркестана: историко-сравнительный аспект // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: КРСУ, 2016. Т. 16. № 4. С. 12-16. (0,5 п.л.).

51. *Литвинов В.П.* О запрете хаджа в царской России: правда и вымыслы (на примере Центральной Азии) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: КРСУ, 2016. Т.16. № 4. С.17-21. (0,5 п.л.)

52. *Литвинов В.П.* Проблема запрета паломничества мусульман Центральной Азии в период до 1917 года // Личность и время. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи. Материалы Международной научной конференции. Ташкент: Turon zamin ziyo, 2017. С. 118-126. (0,5 п.л.)

Литвинов В.П. (Россия)

**Исторический опыт Российского государства в организации
и регулировании паломничества мусульман Средней Азии:
(1865 – 1917 гг.)**

Диссертация посвящена комплексному и всестороннему анализу исторического опыта Российского государства в организации и регулирования паломничества мусульман в дореволюционной Средней Азии. Выявляются общие закономерности и специфические особенности процесса, его основные направления, проблемы и результаты, связь с современностью.

Результаты диссертации, использованные в ней источники, апробированные исследовательские положения и выводы могут быть востребованы для дальнейшего исследования проблематики и практического использования во внешнеполитической, научной, педагогической и иной деятельности.

Litvinov V.P. (Russia)

**Historical experience of the Russian state in the organization
and regulation of pilgrimage of moslems of Central Asia
(1865 – 1917)**

The dissertation is devoted to the complex and all-round analysis of historical experience of the Russian state in the organization and regulations of pilgrimage of moslems in pre-revolutionary Central Asia. The general regularities and specific features of process, its basic directions, problems and results, communication with the present come to light.

The results of the dissertation, sources, used in it, the approved research positions and conclusions can be demanded for the further research of a problematics and practical use in foreign policy, scientific, pedagogical and other activity.